

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК №64

Российский химико-технологический
университет имени Д.И.Менделеева

МОСКВА
2025

**Исторический вестник
РХТУ
им. Д.И. Менделеева
№ 64 (2) 2025 г.**

Учредитель

Мнение редакции может
не совпадать с позицией
авторов публикаций

Перепечатка материалов
разрешается
с обязательной ссылкой
на «Исторический вестник
РХТУ им. Д. И. Менделеева»

Отв. редактор Жуков А.П.
Отв. секретарь Денисова Н.Ю.
Верстка Ильин А.Ю.
Обложка Батов А.В.

Сдано в печать 29.12.2025
Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 50 экз. Заказ №

**Центр истории РХТУ
им. Д. И. Менделеева
и химической технологии**

Адрес университета:
125047 Москва,
Миусская пл., дом 9.
Телефон для справок
8-499-978-49-63
E-mail: mendel@muctr.ru

Электронная версия:
[muctr.ru/university/
departments/cis/historical-
messenger/](http://muctr.ru/university/departments/cis/historical-messenger/)

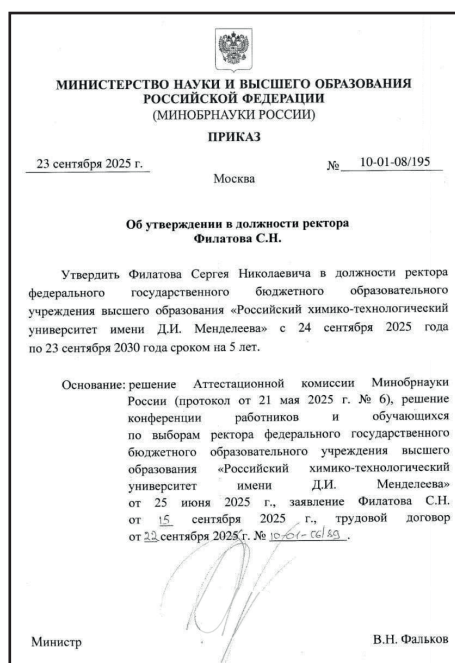
© Российский химико-тех-
нологический университет
им. Д.И. Менделеева, 2025

Содержание

КОЛОНКА РЕКТОРА	3
КОЛОНКА РЕДАКЦИИ НАШЕМУ "ВЕСТНИКУ" — 25	4
ИСТОРИЯ ФАКУЛЬТЕТА ИСТОРИЯ ИХТ ФАКУЛЬТЕТА Андреев К.К.	5
МОЙ ИХТ ФАКУЛЬТЕТ Селиванова (Байдакова) Н.В.	8
ВЫПУСКНИКИ ПЕРВЫЙ ВЫПУСКНИК МХТИ ИЗ ВЬЕТНАМА — РЕКТОР ХАНОЙСКОГО ПОЛИТЕХА Ле Дык Фу	13
МЕНДЕЛЕЕВЦЫ БЫЛО НЕБЕСАМ ЖАРКО! Олимпиада-80	14
ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬ 1986 — ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА Гаджиев Р.Г.	17
ПУБЛИКАЦИИ ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «25 ЛЕТ ЖИЗНИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА» Винц В.В.	20
У ИСТОКОВ СИБУРА	34
ИСТОРИЯ ХИМИИ И ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ХИМИИ 2025 Г. Бруякин М.А.	37
POST MORTEM УШЕЛ НАШ ДРУГ, ОСТАВИВ НАМ ЗАБОТЫ... Памяти Тимонина А.С.	40
ДОКУМЕНТЫ БАРОНЕССА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР — ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР РХТУ ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА	42

В Зале коллегии Минобрнауки РФ 15.10.2025 г. церемония присвоения звания «Посол российского образования и науки». Министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков, ректор РХТУ Сергей Филатов, Паулуш Шеетекеда – директор Департамента информационных технологий Университета Вельвичия (Республика Намибия)

Уважаемые коллеги-менделеевцы!

Представляю очередной выпуск нашего
«Исторического вестника».

Памятной дате в истории университета 90-летию образования славного ИХТ факультета (спецфакультета, факультета № 138) посвящен публикуемый очерк профессора К.К. Андреева (декана факультета и заведующего кафедрой № 34), воспоминания выпускницы кафедры № 42 Н.В. Селивановой (Байдаковой).

Событиям в СССР XX века и участию в них менделеевцев посвящены другие материалы журнала.

Нашему «Историческому Вестнику» — 25.
Попутного творческого ветра в его паруса!

Ректор

~~Сергей Филатов~~

НАШЕМУ «ВЕСТНИКУ» — 25

Первый пробный номер журнала «Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева» вышел в свет осенью 2000 года. Ректор университета академик П.Д. Саркисов поставил задачу перед Издательским центром и определил основные направления поисковой работы: содействовать подготовке издания печатной истории МПУ-МХТИ-РХТУ. Через два года эта задача будет выполнена с выходом долгожданной монографии «РХТУ им. Д.И. Менделеева — прошлое и настоящее со взглядом в будущее» (М., 2002, тираж 1000 экз.), в которой были использованы материалы и разработки первых номеров «Исторического вестника РХТУ».

Но вернемся к первому номеру «Вестника». Работу начали с разработки оформления обложки, которая сохранилась по сей день. Ее дизайн создал преподаватель Высшего колледжа РХТУ им. Д.И. Менделеева «Технический дизайн изделий из силикатных материалов» А.В. Батов. Сейчас это структурное подразделение факультета ТНВ и ВМ. А Антон Батов сегодня известный московский художник, о годах работы в Менделеевке вспоминает с теплотой.

Структура первого номера во многом сохраняется: колонка ректора открывает как напутствие каждый номер, рубрики «История кафедры», «Менделеевцы», «Выпускники», «Документы», «Портреты» выдержали испытание временем.

Прекрасная статья профессора Н.С. Торчешникова открыла серию повествований об истории создания и работы кафедр Менделеевки. К сожалению, вне поля зрения остается история некоторых наших кафедр, создавших еще в начале XX века фундамент (базу знаний)

для всех поколений студентов: кафедры математики, физики, механики, черчения, гуманитарных наук.

В разделе «Документы» уже четверть века ИВ публикует исторические свидетельства, начиная с Приговора Московской городской Думы 1880 г. о создании в Москве промышленного училища (в будущем МПУ, МХТИ, РХТУ им. Д.И. Менделеева) до современных приказов и распоряжений.

Раздел «Воспоминания» обязателен для каждого исторического издания. О родном институте, о друзьях-товарищах, учителях и наставниках, о времени и о себе. Эти заметки всегда субъективны, но порой это единственное документальное свидетельство времени.

Все номера «Вестника» можно найти на сайте РХТУ в разделе Центра истории РХТУ и химической технологии.

На наши материалы ссылаются. К примеру, в методиче-

ских материалах А.Б. Драхлера «Ополченцы московских вузов» (М., 2025, С.12) читаем:

«Интересно, что в некоторых вузах, далеких от исторического профиля, выходят, тем не менее, специализированные исторические издания. Так например, в Российском химико-технологическом университете имени Д.И. Менделеева с 2000 года выходит журнал «Исторический вестник», заметную часть которого занимают документы и публикации, связанные с Великой Отечественной войной».

«Вестнику» — 25 лет. Это уже традиция. Добрая традиция, ведь не даром, что бы ни случилось в нашей стране, в мире и даже во Вселенной, мы находим яркий след, оставленный делами и свершениями МЕНДЕЛЕЕВЦЕВ — студентами, выпускниками, сотрудниками, преподавателями, почитателями и членами большой семьи нашей любимой Менделеевки.

ИСТОРИЯ ИХТ ФАКУЛЬТЕТА

Профессор Константин Константинович Андреев

Публикуемая статья К.К. Андреева из архива Музея истории РХТУ написана в 1960-м году, к 25-летию ИХТ факультета, содержит множество фамилий, связанных с основанием факультета и кафедры № 34, которой заведовал автор в 1941-1964 гг.

Инженерный химико-технологический факультет впервые был организован в нашей стране в 1924 году в Московском химико-технологическом институте имени Д.И. Менделеева. Это было время, когда получила общее признание идея химизации страны, усиления развития химической промышленности, как одной из важных отраслей тяжелой индустрии и основы развития сельского хозяйства и укрепления обороноспособности. Общественность всей страны живо откликнулась на призыв партии, и повсеместное возникновение ячеек Доброхима было одним из проявлений этого отклика. Студенты и преподаватели молодого Менделеевского института принимали живейшее участие в организации Доброхима, и образование инженерного химико-технологического факультета было естественным следствием этого. Первым заведующим кафедрой факультета стал профессор Н.И. Жуковский, его помощником был инженер П.П. Миролюбов. Деятельное участие в организации кафедры — тогда это было обычно — принимали студенты-активисты Доброхима — Август Викман, Сергей Рыбченко, Андрей Касаткин и другие, вошедшие в первую группу слушателей факультета.

К сожалению, кафедра просуществовала в МХТИ недолго. Её организация, как очередной шаг к укреплению и развитию

Менделеевского института, была ревниво воспринята частью профессуры Московского высшего технического училища, имевшей в то время значительное влияние в Наркомпросе и добившейся решения об организации аналогичного отделения в МВТУ, а несколько позже и решения о закрытии кафедры в МХТИ ввиду нецелесообразности проведения параллельной работы в двух московских вузах. Часть студентов кафедры перешла в МВТУ, другие остались в МХТИ на различных специальностях.

В Высшем техническом училище кафедру возглавил выдающийся инженер, автор многих научных трудов и изобретений, профессор А.А. Дзержкович. Его ближайшим помощником, а затем, после того, как работа профессора Дзержковича прервалась, и преемником был инженер-химик, профессор А.Г. Горст. Деятельность профессора Горста в МВТУ также продолжалась недолго. Несмотря на это, были разработаны основы учебного процесса, созданы учебные планы, программы, пособия, педагогический коллектив. Были поставлены важные исследования в области получения ароматических нитросоединений и некоторых других проблем, которые затем были развиты профессором Горстом и его сотрудниками уже вне МВТУ и сыграли большую роль в создании научного фундамента для технологических процессов в промышленности. Из участников педагогической и научной работы в МВТУ следует отметить Л.М. Миндалева, И.И. Сильвестровича, А.В. Засосова, Л.М. Мутафоло, А.Д. Кочеткова, профессора М.Я. Сухаревского, А.Т. Смирнова, И.Ф. Блинова, К.К. Андреева.

В МВТУ инженерное химико-

технологическое отделение также просуществовало недолго, так как в 1932г. на базе химического факультета МВТУ была организована Военная академия химической защиты. Отсутствие в московских вузах специальностей инженерного химико-технологического профиля было явно ненормальным, и в конце 1934г. в МХТИ им. Д.И. Менделеева снова был организован инженерный химико-технологический факультет, сначала в составе трех кафедр, к которым затем присоединились еще две. Одну из них вновь возглавил профессор Горст, деятельными его помощниками были доцент К.М. Бялко, профессор К.К. Андреев, ассистенты В.З. Смоляницкий, И.И. Заоченский и Н.В. Котельников, а несколько позже — И.Ф. Блинов. В организации лаборатории большое участие принял старший лаборант А.В. Хлебников.

Был издан ряд учебных пособий, которые явились существенным вкладом в обеспечении педагогического процесса. В первую очередь следует отметить книгу профессора А.Г. Горста — "Химия и технология нитросоединений", лабораторный практикум В.З. Смоляницкого и И.А. Мазеля "Литографированные материалы и другие разделы технологии"; позже вышли два издания (1949 и 1956) учебника А.Г. Горста "Пороха и взрывчатые вещества", переводы которого были выпущены затем в Чехословакии и в Китае.

Первые годы после организации факультета были периодом его укрепления и расширения. Выдающуюся роль в развитии факультета в этот период сыграл его начальник, инженер Г.Н. Кожевников, позже назначенный Директором одного из крупнейших заводов страны, теперь заместитель председа-

теля Госкомитета Совета Министров СССР. Благодаря энергии Г.Н. Кожевникова факультет получил необходимую базу для своего роста в виде помещений, оборудования, кадров. Это был "золотой век" факультета, что особенно стало ощутимо в тот период, когда МХТИ перешел в ведение Министерства химической промышленности, не проявлявшего в развитии факультета достаточной заинтересованности. В это время, в частности, были закрыты две кафедры из пяти, существенно сократилась площадь занятых факультетом помещений. В годы войны часть молодых сотрудников кафедр была призвана на военную службу. На запад поехали А.Е. Варга, обещающий исследователь и педагог, В.В. Филипчук, только что окончивший аспирантуру кафедры, химик выдающихся способностей и знаний, безгранично преданный науке. На фронт ушел и аспирант кафедры В.П. Маслов. Все они не вернулись на кафедру. А.Е. Варга был расстрелян гитлеровцами. В.В. Филипчук погиб по нелепой случайности под Берлином уже после войны в служебной командировке. В.П. Маслов был после войны оставлен на работе в Министерстве Обороны. Профессор А.Г. Горст после эвакуации институтов в Москву остался на работе в г. Туле, где он руководил одной из кафедр Тульского механического института.

В связи с этим руководство кафедрой с начала войны осуществлялось профессором К.К. Андреевым. Основными её сотрудниками стали Е.Ю. Орлова, И.Ф. Блинов, М.М. Пуркалн.

Е.Ю. Орлова окончила институт в 1937 г. и, последовательно пройдя через все ступени - аспирантуру, ассистентуру, доцентуру, защиту докторской диссертации (1954г.), стала первой в мире женщиной профессором по данной специальности. Че-

ловек выдающегося трудолюбия и работоспособности, профессор Е.Ю. Орлова на протяжении всего послевоенного периода существования кафедры ведет педагогическую работу в области синтетической органической химии и технологии.

В последние годы в группе, возглавляемой профессором Е.Ю. Орловой, собралась способная перспективная молодежь — Г.М. Шибаев, В.Ф. Жилин, В.Л. Збарский — достаточно подготовленная к решению тех новых задач, которые развитие техники ставит перед синтетической органической химией и технологией в данной области.

Доцент И.Ф. Блинов, выпускник МВТУ, начал работать на факультете вскоре после его основания. Тяжелые последствия ранений при несчастном случае не помешали ему с большой настойчивостью и энергией вести педагогическую работу.

Одновременно с преподавательской деятельностью И.Ф. Блинов вел большую научно-исследовательскую работу, связанную с вопросами безопасности производства некоторых химических продуктов, в частности органических красителей. Преждевременная смерть помешала ему завершить эти работы защитой докторской диссертации.

15 лет деятельным преподавателем кафедры был М.М. Пуркалн, начавший свою научную деятельность еще до окончания института интересной дипломной работой и успешно ее продолжавший в дальнейшем. Основная часть лабораторного практикума и дипломных работ много лет лежала на плечах М.М.Пуркална, и его исключительная пунктуальность и добросовестность не только способствовали прочному усвоению студентами необходимых знаний, но и обеспечили безопасность этой работы — очень важную сторону дела, если

учесть особенности работы в лаборатории по данной специальности, а также молодость и неопытность слушателей.

Другие сотрудники окончили институт позже и продолжили работу на кафедре, пройдя через аспирантуру или минуя её. Это относится к сотрудникам профессора К.К. Андреева — Г.Н. Беспалову, В.В. Горбунову, Б.Н. Кондрикову, Ю.Я. Максимо-ву, В.М. Рогожникову, Б.С. Светлову. Старшим из них является Б.С. Светлов, в 1952г. окончивший аспирантуру при кафедре и после этого успешно ведущий педагогическую и научную работу во всех её формах. Моложе — кандидаты наук Г.Н. Беспалов (1960), Б.Н. Кондриков (1959) — научные сотрудники лаборатории кафедры. Другие названные выше инженеры, защитят свои диссертации в 1960-1961 годах. Все они - люди с разными характерами, со своими сильными (преобладающими) и слабыми сторонами, умеющие работать и мыслить, заботящиеся прежде всего об успехе советской науки, а не о своем успехе в ней; старшие уже имеют свой почерк, у младших — он вырабатывается. Дружная работа, а этот коллектив умеет дружно работать, давала свои плоды в недавнем прошлом, несмотря на большие, иногда искусственно создававшиеся трудности, и нет оснований сомневаться в том, что она позволит дать быстрые и научно обоснованные решения тех новых задач, которые выдвигает развитие новой техники в нашей стране.

На стр. 7 — фотография из архива Музея истории РХТУ выпуск кафедры № 34 ИХТ факультета 1956 года. Она хранилась в семейном архиве профессора Е.Ю. Орловой и в числе других фото, документов, книг и сувениров пополнила наш музейный фонд как безвозмездный дар ее дочери Натальи Орловой.

МОЙ ИХТ ФАКУЛЬТЕТ

Селиванова (Байдакова) Н.В., выпуск 1967 г.

Нина Селиванова, 1965 г.

Ровно 60 лет тому назад я стояла на сцене БАЗа и, обращаясь к залу, сказала: нам всем сегодня 30. Зал благодушно заулыбался: мне был 21 год. Я была секретарем комсомольской организации ИХТ факультета, и мне было поручено открыть концерт в честь празднования 30-летия факультета. Я помню распахнутый, до верха заполненный БАЗ, вид которого потрясал всех, кто видел его впервые. Прямо передо мной первые ряды занимали седовласые корифеи ИХТ факультета, большие ученые и знаменитые выпускники, выше — действующий профессорско-преподавательский состав и совсем наверху, практически на софитах — студенты ИХТешники. Незабываемое впечатление.

В те дни все мы старались достойно подготовиться к юбилейной дате.

Комсомольцы бегали юбилейные кроссы, обеспечивая 100 %-ную явку, при этом никаких воздействий и стимулов, кроме духа соревнования среди групп и курсов не было.

Готовились и волновались участники художественной самодеятельности. Денег на костюмы и все наши «креативные» задумки на факультете не нашлось. Решили заработать их самостоятельно. Был составлен график, и мальчики всех групп (их тогда на факультете было значительно больше, чем девочек) по графику выходили на разгрузку вагонов на Савеловском вокзале. Сейчас,

даже для меня, это звучит неправдоподобно, но я не помню, чтобы кто-нибудь «возникал» или отказывался.

В 1963 году Менделеевка приняла участие в играх КВН на телевидении. Инициатором этого был Юрий Стоянов. Точнее, он был душой и команды КВН, и «гремевшего» в наши годы СТЭМа «Индикатор». Юрий Стоянов — личность легендарная, яркая, неординарная, да и все ребята из «Индикатора» и КВН заслуживают памяти в истории Менделеевки. Среди них было очень много ИХТешников. Непосредственно участвовавших в команде КВН было двое: я и Вадим Воронцов, блестяще сыгравший роль Дмитрия Ивановича Менделеева. Примеры телевидения сделали ему замечательный грим, и когда в самом начале игры он вошел на балкон, где сидело телевизионное жюри, зал буквально «взорвался» овациями.

Это было наше первое выступление. Под лозунгом «Где тонко, там и рвется» мы красиво и весело обыграли МИТХТ — Московский институт тонкой химической технологии. Выиграли мы на голлом энтузиазме. Нам никто не помогал, ничего не советовал, да мы и не ждали помощи и решились играть по собственной инициативе. После первой победы нас буквально носили на руках. Газета «Менделеевец» была заполнена поздравлениями, фотографиями и цитатами из нашего выступления.

Вторая встреча с командой из города Фрязино прошла для нас менее успешно. Противник выступал, мягко сказать, более достойно: их выступление было просто блестящим. Недаром оно внесено в классику КВН. Злые языки говорили, что команду на месяц отправили в Дом отдыха для подготовки к выступлению. Я не верю в это, но даже если бы нас отправили на полгода в сана-

торий, мы бы не сумели достичь уровня этой команды. За командой города Фрязино стоял целый научно-исследовательский институт.

КВН — это игра, в которой всегда кто-нибудь проигрывает. Конечно, это печально, но не обидно. Обидно было то, что на этот раз «Менделеевец» разразился огромной статьей сотрудника редакции, где нас обвиняли в пошлости, глупости и других грехах. Воистину, «у победы тысяча отцов, а поражение всегда сирота». Конечно, мы расстроились, но не более того, а злопыхателям отвечали одной фразой: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет». Справедливости ради отмечу, что все участники команды КВН Менделеевки первого созыва окончили институт с «красными» дипломами.

Много лет спустя в КВН на телевидении играла команда МХТИ, основу которой составили представители Физико-химического факультета. Я, конечно, болела за них, и они выступали успешнее нас.

На ИХТ факультете была партийная организация, но какая-то интеллигентная. Когда я стала отказываться от переизбрания на должность секретаря комсомольской организации факультета, долго отговаривали, но все-таки согласились, поверили, что это — не мое. У меня сложилось впечатление, что факультетские партийные боссы были более всего увлечены своими научными изысканиями и достижениями в своих областях знаний. Они учили нас и занимались научной работой, надо сказать, небезуспешно. Кафедры работали в тесной связке с отраслевыми институтами. Среди преподавательского состава ИХТ факультета были Лауреаты премий самого высокого ранга.

На ИХТ факультет я поступила случайно. 1961 год — год полета

Гагарина. Очень хорошо помню, как получив Аттестат зрелости, тёплым июньским днем, на уходящей в цветущих липах моей родной Поварской улице (тогда — Воровского) я встретила выпускницу моей школы, которая уже училась в Менделеевке. Взяв с меня «подписку о неразглашении», она рассказала, что учится на факультете ТРТ. Далее моя жизнь приобрела особый смысл и цель существования. На другой день я уже подавала документы на ИХТ факультет.

При подаче документов особых проблем не было. Последним этапом было получение подписи ответственного секретаря приемной комиссии. В связи с тем, что в то время выполнялась очередная установка сразу после приёма в институт направлять студентов на производственную практику на заводы, были востребованы совершеннолетние студенты. Мне было 18. На ИХТ факультете производственной практики не было, и секретарь приёмной комиссии чуть было не уничтожил мою мечту. Он «ломал» 18-летнюю девчонку, убеждая, что я должна идти на любой другой факультет. А я, разумеется, «по соображениям секретности» не могла сказать ему, что я мечтаю создавать твердые ракетные топлива. Убеждал недолго: взял и, просто зачеркнув ИХТ факультет, написал Топливный. Я выползла из его кабинета с ощущением, что жизнь закончилась. Но затем, вспомнив, как легко он зачеркнул мою мечту, взяла ручку, и тут же на подоконнике возле БАЗа зачеркнула Топливный и вновь написала ИХТ факультет. Странно, но далее никаких препятствий мне никто не чинил. Интересно, есть ли срок давности за моё «преступление»?

У меня была золотая медаль, но в тот год медалисты поступали в институты на общих основаниях. Я успешно сдала вступительные экзамены. И далее — 6 лет счастливой студенческой жизни и пять лет работы на любимой кафедре 42.

Кафедра, милая кафедра. Отчетливо помню моё первое появление на кафедре в роли участника НСО (научно-студенческого общества) на 4 курсе. Меня направили к молодому, очень симпатичному преподавателю Юрию Михайловичу Лотменцеву. Он ознакомил меня с высоковакуумной установкой, на которой мне предстояло работать, и обратил внимание, что особенно осторожной надо быть при работе с ловушкой, трудно поддающейся восстановлению. В первый же день моей самостоятельной работы я её разбила. Потом, когда я оплакивала собственную бездарность у окна в коридоре, подошел Юрий Михайлович и в свойственной ему стеснительной манере сказал: «Ну, что ты, Нин, не плачь, я уже заказал другую ловушку». Я рассказываю об этом, казалось бы, пустяковом, маловажном событии, потому что потом, работая на кафедре, я постоянно сталкивалась с такой человеческой манерой общения всех преподавателей и сотрудников кафедры на всех уровнях.

Как-то, в шутку, я написала на своей рабочей аспирантской тетради: «Obscurum per obscurius» (лат. Неясное объяснять еще более неясным). Через некоторое время я обнаружила, что подле моей «пижонской» фразы на обложке тетради возникла новая фраза, написанная рукой Юрия Михайловича: «Что необразованного ума, непосвященному и малосведущему человеку кажется в природе отступлением от заказов ея, — нарушением оных или игрою её: — то самое, глубокомысленный испытатель природы находит как согласным с законами ея, так имеющим соотношение и связь с отдаленнейшими звенами сей неизмеримой цепи». Это слова провинциального ученого-энциклопедиста, ставшего членом-корреспондентом ИАН России, Т.С. Бурноволова, имени которого до той поры я и не знала. Я, наверное, сентиментальна, но тетрадку эту храню

до сих пор.

Как-то Юрий Михайлович «подсунул» мне книгу Чарльза Сноу «Поиск». Автор обсуждал фальсификацию данных в науке, и на примере героя учил, как успешно донести до любой аудитории, даже если это академики, самую сложную научную проблему. Для этого надо представить, что ты излагаешь проблему домохозяйкам. Фальсифицировать научные данные, мне не позволило бы воспитание, но каждый раз, когда мне приходилось формулировать и отстаивать свою позицию в научной среде, в которой мне предстояло провести всю последующую жизнь, я вспоминала эту книгу. А примененный героем способ донести самую сложную мысль до слушателя всегда помогал мне на поприще моей педагогической и научной деятельности.

Даже с годами, когда наша с Юрием Михайловичем небольшая разница в возрасте уже не просматривалась, несмотря на его настоятельные просьбы, я не смогла обращаться к нему на «ты». Не могу и сейчас. Он как был, так и до сих пор остаётся моим Учителем.

Кафедра 42 жила насыщенной жизнью во всех областях ее существования. Несколько лет спустя после моего ухода с кафедры, обсуждая модную в то время повесть И. Грековой «Кафедра», я с удовольствием отметила сходство периода интеллигентного существования «грековской» кафедры с жизнью нашей кафедры, созданной профессором Бакаевым А.С.

(ИВ: см. фото на стр. 12)

При этом жизнь нашей кафедры, как и любого коллектива, отнюдь не была благостным, безоблачным существованием. Однако решение возникающих проблем никогда не допускало возможности преступить сложившиеся на кафедре представления о порядочности. Высочайший научный и человеческий авторитет Александра Семеновича Бакаева не позволял искать иные решения.

Помню солнечный майский день 1970 года. Кафедра собирается чествовать своих Ветеранов. Солнце бьет в распахнутые окна. По коридору, вдоль стены идет Александр Семенович Бакаев. По кафедре мгновенно разносится слух: Александр Семенович надел все ордена и «География».

Александр Семенович жмет к стене, словно старается быть незамеченным. На нем черный сатиновый халат, только что извлеченный из запасов завлаба. Халат узок Александру Семёновичу, но застегнут на все пуговицы. Мы, вечно щебечущие аспирантки, останавливаем его в коридоре и уговариваем распахнуть халат. Под халатом на фоне целого «иконостаса» высших Советских наград вспыхнули яркие оранжевые полосы георгиевской ленточки с дореволюционным георгиевским крестом темного металла. На кафедре говорили, что офицерам давали солдатского Святого Георгия только за высшую доблесть.

Память стирает имена, отчества, фамилии, но наших ветеранов я помню всех. Мы редко обращались к ним по имени отчеству. Это были люди особого склада, потрясающе скромные, добрые старшие наставники. Мы искренне их любили и называли, как называют близких людей: Мих.Мих. (Катунский Михаил Михайлович), Саныч (Ябриков Евгений Александрович), Константиныч (Роднин Константин Николаевич, не понятно, почему Константиныч). Это папа знаменитой Ирины Родниной. Однажды наши дамы-лаборанты не утерпели и спросили у него: «Что там у Ирины с Улановым?» Константиныч ответил как всегда немногословно и исчерпывающе: «Катаются». Дамы были явно не удовлетворены.

При работе над кандидатской диссертацией у меня было два научных руководителя: Роман Алексеевич Малахов и Юрий Михайлович Лотменцев, бывший его учеником.

Малахов — был личностью ле-

гендарной не только на факультете, но и в отрасли. Его научный авторитет был недостижим. На факультете его знали и любили все. Он был веселым, очень остроумным и доступным человеком. Как-то после нашей победы в КВН на зачете он спрашивал: «Ну, КВН, отчего пиджак не рассыпается?» — «Водородные связи, Роман Алексеевич», — хором кричали мы.

Роман Алексеевич требовал безусловной осведомленности аспирантов в вопросах тематики диссертационной работы и очень уважительно относился к аспирантам за их трудолюбие и самоотдачу при выполнении диссертационной работы. Он мог в резкой форме оборвать любую критику в адрес аспиранта и старшего по званию научного сотрудника, и доцента, если критика отставала от последних достижений в обсуждаемой области. При этом по памяти цитировал разнообразные отечественные и зарубежные литературные источники с указанием автора, года издания источника и даже страницы, что всегда изумляло аудиторию.

В 1969 году Р.А. Малахова не стало. Эту потерю вся кафедра переживала очень тяжело. Научное направление было продолжено его учениками, но заменить личность такого уровня и обаяния было невозможно.

Были ли еще на кафедре преподаватели, запавшие в мою душу и память? Да!! Без исключения все.

Человек небывалой энергии, ныне благополучно действующий А.П. Денисюк (да простит он меня за фамильярность, по имени «перпетуум мобиле»); Б.А. Пономарев, принимавший курсовые работы так, что студент, получив зачет, наконец, понимал, что он проектировал. Как мы шутили, Б.А. не отпускал студента, пока не закрутит все гайки на аппарате. Внешне строгие, но очень доброжелательные М.А. Фиошина, В.И. Карькина, В.П.Дубина, блестяще читавшие лекции по спецдисциплинам. Добрейший М.М.

Пуркалн, сопровождавший студенческую практику на заводах отрасли и ушедший из жизни во время очередной командировки.

Я помню всех. Многих, кого встречала по жизни много позднее, вспомнить не могу. А кафедре помню всю: от профессоров до самой юной лаборантки.

В нашей научной группе, которой руководил Ю.М. Лотменцев, в течение 5 лет я сначала работала ассистентом, а затем училась в очной аспирантуре.

В те годы в науке, да и не только в науке, быть некомпетентным, особенно в своей области знаний, было просто неприлично. В нашей среде уровень осведомленности был чрезвычайно высок и в литературе, и в поэзии, и в живописи, и в кино... В первые дни моего появления на кафедре в качестве сотрудника кто-то из нашей группы, принес на кафедру альбом с репродукциями картин. Альбом открыли на картине «Рождение Венеры» Боттичелли, и меня спросили, кто автор. Я так боялась ошибиться, что не смогла ответить, чья это картина, чем, по-моему, расстроила коллег по работе. Если бы они знали, как расстроилась я! Как показывает история, расстроилась на всю оставшуюся жизнь. Через несколько десятилетий, попав волею судеб в галерею Уффици во Флоренции, первое, что я вспомнила, стоя перед этой картиной, это тот молчаливый укор моих коллег.

Еще одно грустное моё воспоминание связано с тем, что, уже работая первые полгода в отраслевом институте, я была приглашена на кафедру в качестве рецензента очередной дипломной работы, выполненной в моей группе. Я вымучивала рецензию в течение всего рабочего дня, хотя позитивную часть рецензии написала сразу по прочтении дипломной работы. Бывшие мои коллеги не могли понять, что я так долго ищу в дипломной работе. Дело было в том, что в рецензии полагалось указывать недостат-

ки работы, а я ещё ощущала себя частью моей уже бывшей группы. Я не могла найти недостатки по определению, равно как трудно отыскать их в своей работе и тем более оформить в виде замечаний. Больше в качестве рецензента меня не приглашали. Мне было обидно не то, что не приглашали, а что бывшие коллеги не поняли мои переживания.

Мы жили очень дружно, отмечали все праздники и дни рождения, которые непременно проходили со стихотворным сопровождением в честь именинника. Особенно остроумными и талантливыми были стихи Юрия Михайловича, который был основоположником таких стихотворных поздравлений на кафедре. (ИВ: на стр. 22-23 «Новогодний бал» из «Менделеевца» №39-932/1965. Дружеские шаржи сопровождают эпиграммы Юрия Лотменцева) К сожалению, его стихи я не запомнила, но помню одно из своих стихотворных поздравлений, написанных ко дню рождения аспиранта Володи Ульянова. Он был постарше меня, поскольку успел до аспирантуры отслужить в армии. Я узнала номер воинской части, в которой служил Володя, и на бланке телеграммы написала следующий текст:

*Всё также на ветру знамена
наши рдели,
Всё также чередой срок службы
нашей шел,
Но никогда ряды так наши не
редели,
Как в день, когда от нас в науку
ты ушел...*

Володя был очень рад такому поздравлению.

Всплывают в памяти случаи, выходящие из ряда обычных событий. Как-то в студенческой лаборатории перегрелся сушильный шкаф с коллоксилином. От взрыва дверца от шкафа летела по аудитории на уровне голов как летающая тарелка. Но Бог миловал, и в лаборатории в этот момент никого не оказалось, потому

что бесконечно добрый М.М. Пуркалн пошел на поводу у студентов и досрочно отпустил их на обед, чтобы они могли занять очередь в столовой. После этого Михаил Михайлович, прибалт по национальности, с характерной только для него интонацией нараспев и в нос, сказал знаменитые слова: «По проволоке ходим!»

Случались пожары. Много шуток было по поводу того, что в истории МХТИ горели «силикаты», кафедра высшей математики — даже два раза, а ИХТ, слава Богу, — нет.

Была ситуация, которая могла иметь более серьезные последствия, но закончилась достаточно безобидно и даже смешно. Было воскресенье. В вузе практически никого не было. Мы готовились к традиционному весеннему факультетскому вечеру и репетировали в БАЗе. Окна были раскрыты, и мы услышали звон разбитого стекла на 4 этаже, где располагались лаборатории ИХТ факультета. Наши старшекурсники сразу поняли, что что-то случилось, и побежали на этаж. За ними двинулись все артисты, чтецы, певцы, девочки в пачках и балетках. Ребята сразу вскрыли гидрант и протянули вдоль коридора очень толстый пожарный шланг. Вдоль шланга расположились артисты. Когда в гидрант подали воду высокого давления, шланг резко распрямился и ударил по ногам всех вокруг стоящих. Хрупкие девочки в пачках как подкошенные упали на пол. К счастью, все обошлось даже без синяков, да и пожар не состоялся.

В конце 1964 года в Менделеевке произошел печально известный взрыв газовых баллонов. Точнее, произошла утечка пропана из газового баллона, после чего последовал объемный взрыв газовой смеси с воздухом.

Мы готовились к экзамену в библиотеке и должны были в 13-00 встретиться в «силикатном переулке» с Ю. Стояновым, но я заупрямилась и сказала, что никуда не пойду, пока не дочитаю

лекцию до конца. В этот момент мы наблюдали очень заинтересовавшее нас явление: лежавший перед нами на столе лист бумаги в полной тишине поднялся над столом и затем упал на пол, после чего мы услышали звук взрыва и рванулись к БАЗу.

Мы очень гордились, что первыми, кто сообразил, что происходит, и встал в оцепление, были ИХТешники — и студенты, и преподаватели, и сотрудники, которые затем помогали эвакуировать людей и выносить раненых. Сказалась специфика профессии.

Пострадали тогда около 30 человек: столько, мы насчитали, было вызовов скорой помощи. Очень впечатлила ярко красная «Волга» приехавшего на взрыв пожарного комиссара Москвы. Более всех пострадали силикатчики и сотрудники института, находившиеся в помещениях, расположенных над силикатами и над тем самым полуподвалом.

Ю. Стоянов находился в непосредственной близости от центра взрыва. Именно с ним мы должны были встретиться в «силикатном переулке». Его спасло то, что при взрыве он оказался в пространстве между стеной и упавшим на него громадным шкафом, а нас спасло мое упрямство.

Годы учебы, связанные с факультетом и кафедрой, были самыми счастливыми. Вспоминая с благодарностью мою жизнь на факультете, я думаю, что мне повезло в том, что начало моей взрослой жизни прошло именно на факультете ИХТ и кафедре 42.

Конечно, мой ИХТ факультет — это и моя 20-я учебная группа. В те годы однажды присвоенный номер группы сохранялся за ней с первого по последний курс. Группочка, как я называла ее, будучи комсоргом, обращаясь к ребятам по поводу разнообразных событий нашей насыщенной студенческой жизни.

Но это уже совсем другая история. И вспоминать её все труднее и сказать: «Помнишь?» почти некому.

130 лет А.С. Бакаеву отметили в Дзержинском

15 мая 2025 г. в г. Дзержинский Московской области в помещении Культурно-эстетического центра состоялся круглый стол, посвященный 130-летию со дня рождения Александра Семеновича Бакаева, выдающегося

советского ученого-порохододела, основоположника создания отечественных баллистических порохов и непрерывной технологии их производства. От РХТУ им. Д.И. Менделеева доклады сделали Юрий Михайлович Лотменцев, научный консультант ФЦДТ «Союз» (с 1989 по 1999 гг. заведующий кафедрой ИХТ факультета, основанной А.С. Ба-

каевым) и Александр Петрович Жуков, директор Центра истории РХТУ им. Д.И. Менделеева.

На встречу были приглашены ученики профильных химических классов школ города Дзержинский, которые приняли участие в возложении цветов к мемориальной доске А.С. Бакаева на доме, где он жил с семьей по адресу ул. Бондарева, 25.

1975 год — 40-летие ИХТ факультета. Сотрудники НИХТИ (ЛНПО «Союз») — выпускники ИХТ. В первом ряду — академик Б.П. Жуков, Винц В.И. 4-й справа, Байдакова Н.В. — в 4-м ряду 6-я слева

Пономарева Г.Л., Егорова Е.В. (КЭЦ), Денисова Н.Ю., Лотменцев Ю.М., Смирнов А.В. председатель Совета ветеранов города Дзержинский, Жуков А.П. (РХТУ), Ваганова Е.В. (директор Музея пермского порохового завода). На заднем плане — акварели кисти А.С. Бакаева и его портрет

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКНИК МХТИ ИЗ ВЬЕТНАМА — РЕКТОР ХАНОЙСКОГО ПОЛИТЕХА

Ле Дык Фу, И-33

На фото выпуска 1956 г. (стр.7) среди выпускников ИХТ-шников в третьем ряду второй слева — Фам Донг Дьен. ИВ публикует его биографию, подготовленную вьетнамскими студентами, которые учатся на ИХТ факультете сегодня.

Профессор, Народный учитель Фам Донг Дьен родился 2 января 1920 года в коммуне Нам Хонг, уезде Нам Тык, провинции Нам Динь (ныне — Нам Нинь, Нам Динь). Его отец Фам Донг Ми занимал должность начальника уезда Ву Тьен (провинция Тхай Бинь) и был известен своей честностью и преданностью образованию. Фам Донг Дьен был вторым ребёнком и старшим сыном в семье из 13 детей.

С детства он проявлял необычайные способности и интерес к учёбе. В 1933 году он поступил в Колледж протектората (ныне — средняя школа Чу Ван Ан, Ханой), одно из самых престижных учебных заведений Северного Вьетнама того времени, где ежегодно принимали всего 120 учеников. Во время обучения (1933–1940) он неизменно показывал отличные результаты, три года подряд занимая первое место в классе. Учителя, среди которых были Нгуен Ван Хуен, Зыонг Куанг Хам и Нгуен Мань Тьонг, отзывались о нём как об «исключительном ученике». Сокурсники называли его «чудо-мальчиком из Нам Диня».

Его оригинальный школьный журнал из школы Буой, потерянный во время войны, был най-

ден в 1975 году родственником, служившим в полиции в Южном Вьетнаме. Документ подтверждает его выдающиеся успехи за 1937–1940 годы и является ценным свидетельством его стремления к знаниям. После его смерти жена, госпожа Ле Тхи Минь Чау, передала журнал в Центр наследия вьетнамских учёных.

После окончания школы Буой Фам Донг Дьен поступил на естественное отделение Индокитайского университета (ныне — Ханойский национальный университет) и получил степень бакалавра наук в 1944 году. После Августовской революции 1945 года он работал инженером в Национальном управлении метеорологии Вьетнама, одновременно преподавал в школах Чу Ван Ан и Фан Чу Чинь.

В 1946 году, откликнувшись на призыв президента Хо Ши Мина к всеобщему национальному сопротивлению, он покинул Ханой и ушёл в Вьетбак — центр революции. Благодаря своим знаниям и патриотизму, он был назначен заместителем директора Управления технических исследований Главного управления вооружения Министерства обороны Вьетнама (1946–1951), где занимался исследованием и совершенствованием военной техники.

В 1951 году, в рамках подготовки кадров для послевоенного восстановления, он был направлен в Советский Союз — в числе первых 21 вьетнамских учёных и инженеров. Он обучался в Московском химико-технологическом институте имени Д.И. Менделеева по специальности «Пороха и взрывчатые вещества».

Во время обучения (1951–1956) он проявил выдающуюся настойчивость и исследовательские способности. Его дипломный проект был признан Государственной экзаменационной комиссией СССР «отличным», и он получил диплом

инженера-химика с отличием.

Комиссия отметила его глубокие знания в области проектирования технологических процессов и оборудования, а также способность разрабатывать производственные нормы и схемы для условного химического завода во Вьетнаме — что свидетельствовало о высоком уровне теоретической и практической подготовки.

После возвращения на родину в 1956 году он был назначен одним из первых преподавателей новооснованного Ханойского политехнического университета. Он стал первым заведующим кафедрой химической технологии, заложив основы прикладной химии и химического машиностроения во Вьетнаме.

С 1960 года он занимал должность проректора, а в 1966–1980 годах — ректора университета. Благодаря его усилиям Политехнический университет стал ведущим техническим вузом страны.

Семья профессора была известной интеллигентной династией. Его младший брат, доцент, доктор наук, Народный учитель Фам Куи Ты, был ректором Ханойского педагогического университета. Самый младший брат, профессор, доктор наук Фам Ван Тьем, был директором Центра образования и развития хроматографии Ханойского политехнического университета.

Профессор Фам Донг Дьен — выдающийся представитель вьетнамской научной интеллигенции, посвятивший всю жизнь служению Родине, науке и образованию. Его жизнь — пример честности, скромности и беззаветного труда во имя будущего страны. Он оставил после себя не только научное наследие, но и духовное — как учитель, учёный и гражданин, чьё имя навсегда останется в истории вьетнамской науки и образования.

БЫЛО НЕБЕСАМ ЖАРКО!

Вспоминая Олимпиаду-80

Фотографии и документы из личного архива выпускницы МХТИ 1981 г. (ТОФ) Китаевой Ларисы Авенировны, рассказывающие о ее участии в церемониях награждения призеров Олимпиады-80 в Москве, напомнили о невероятных событиях 45-летней давности, в подготовку которых Менделеевка включилась вместе со всей страной. Об этом подробно сообщала газета «Менделеевец» №16 от 29 апреля 1980 г. (стр. 15-16) и центральные газеты.

Медали — ваши

Церемония награждения первых призеров Олимпиады-80 на стрельбище в Мытищах надолго запомнится её участникам и зрителям. Она была исключительно теплой и праздничной. Вручали медали вице-президент МОК, первый заместитель председателя Оргкомитета "Олимпиада-80" В.Г. Смирнов и президент Международной федерации стрелкового спорта Олега Рио Васкес Раньи. А ассистировали им симпатичные девушки-студентки — Рахима Тешабаева из Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина, Лариса Китаева

из Московского химико-технологического института имени Менделеева и Айнагули Байгуттуева из Киргизского женского педагогического института имени Маяковского. Девушки в красивых национальных костюмах провели церемонию награждения безукоризненно.

— Рахима, чем отличалась недавняя последняя репетиция этой церемонии от вашего сегодняшнего официального дебюта?

— Сегодня все было по-другому. Торжественная, волнующая обстановка. Мы впервые держали в руках олимпийские медали, стояли рядом с олимпийскими героями. Такое запоминается на всю жизнь. Я счастлива, что первую золотую медаль Олимпиады завоевал советский спортсмен Александр Мелентьев.

— За два месяца совместной работы в группе награждения Оргкомитета "Олимпиада-80" вы, наверное, успели крепко подружиться...

— В нашей группе — девушки из разных республик. Мы — настоящие подруги, вместе ходим в театры, в кино, в музеи. Я верю, что эта дружба продолжится и после Олимпиады.

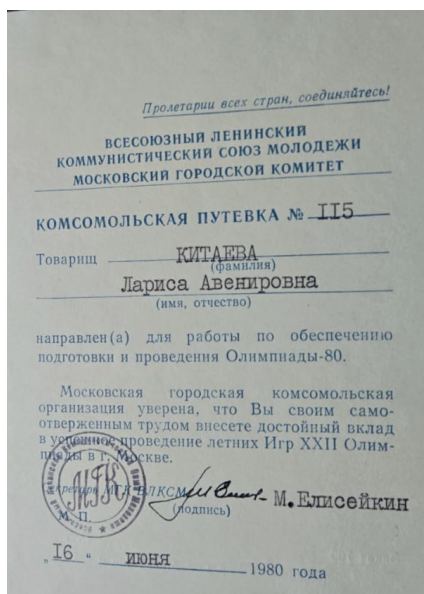
Лариса Китаева в русском костюме

Едут по Москве четыре автобуса...

Совсем немного времени осталось до торжественного открытия XXII Олимпийских игр в столице первого социалистического государства. Вся страна активно готовится встретить спортсменов и многочисленных гостей из разных стран мира.

Проведение Олимпиады на высоком уровне в большой степени зависит от четкой и слаженной работы служб и подразделений различных организаций Москвы. Известно, что и нашему институту выпала большая честь оказать помощь в проведении Олимпийских игр.

Согласно приказу Минвуза

Первую медаль Олимпиады выиграл советский стрелок Александр Мелентьев. Его рекорд стоит до сих пор.

СССР, около 200 студентов, сотрудников и преподавателей института с сентября 1978 года проходят подготовку по английскому, немецкому и французскому языкам, чтобы затем в течение двух напряженных месяцев выполнять необходимую переводческую работу в системе Оргкомитета Олимпиады-80, Интуриста и на ВДНХ.

Для проведения занятий с переводчиками и гидами-переводчиками потребовалась определенная реорганизация обучения иностранным языкам в институте, а также подготовка и обеспечение самого учебного процесса. Создание программ обучения, обеспечение необходимыми учебниками, учебными пособиями, методичками, терминологическими словарями, наглядными пособиями, техническими средствами и т.д. — вот небольшой перечень вопросов, который за короткий промежуток времени необходимо было решить и которые успешно были решены многочисленными подразделениями института.

В настоящее время для бу-

дущих переводчиков созданы максимально благоприятные условия для овладения необходимыми навыками и умениями в их новой профессиональной деятельности. Естественно, что переводчики-студенты МХТИ им. Д.И. Менделеева находятся в более сложных условиях, чем студенты языковых вузов, тем весомее и почетнее их роль в будущей Московской Олимпиаде.

Только сейчас, находясь на практике в организациях-заказчиках, студенты полностью осознали всю сложность их второй профессии. Они понимают, что быть переводчиком это значит иметь широкую профессиональную подготовку, обладать высокой политической и нравственной культурой.

Объем изучаемого материала и владение этим материалом требуют от переводчика высоких навыков и умений. Речь идет не только о вербальном (языковом и речевом) владении материалом, но и об овладении предметными фактическими знаниями. Например, для работы в Главинтуристе нужно чет-

ко знать маршруты движения и темы экскурсий. Необходимо обладать сведениями и о Центральном выставочном зале, Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, и о Московском Кремле, Манежной улице и т.д. Уметь рассказывать и отвечать на вопросы о советской системе образования, здравоохранения, о Конституции СССР, внешней и внутренней политике КПСС.

По самым скромным подсчетам только лексический запас должен составлять не менее 3000 слов. Овладения специальной терминологией требует и работа в Оргкомитете-80 и на ВДНХ. Насколько сложна работа, можно себе представить, если, например, попросить нашего читателя рассказать о каком-либо павильоне ВДНХ СССР на родном языке. А если еще и на иностранном!?

Большую подготовительную методическую работу провели и повседневно проводят преподаватели кафедры иностранных языков на занятиях по подготовке переводчиков. Это и преподаватели английской методиче-

ской секции: К.Л. Близниченко, А.В. Воловик, Л.И. Гладкова, Т.А. Мугуева, Э.И. Серебренникова и др.; немецкой: С.М. Лаврененкова, А.Н. Шумилина и др.; французской Г.Д. Галкина, И.В. Никифорова и др.

Неплохие результаты, трудолюбие и заинтересованность показывают студенты Р. Будная, Н. Мардашева, И. Телегина, Н. Купцова, Г. Гуськова, А. Орлов, А. Панина, В. Куликова, М. Рябцева, Н. Королева, С. Блинчиков, Е. Муравьева, Т. Костомарова, А. Мяконький, Е. Артемьева, И. Быков и многие другие.

Качество подготовки переводчиков, организация учебного процесса неоднократно подвергались проверке Минвузом СССР и организациями-заказчиками. Отмечены успехи в подготовке, указаны недостатки. Но самым главным критерием качества подготовки явится успешная работа на Олимпиаде.

...Едут по Москве четыре автобуса. Впереди на ветровом стекле табличка «Интурист». У микрофона одного из них студент из МХТИ им. Д.И. Менделеева: «Ladies and gentlemen. Let me introduce myself...»

Г.Б. АРХИПОВ, зав. каф. иностранных языков

Олимпийский трудо- вой

В период Олимпийских игр с 19 июля по 3 августа Москву посетят советские и иностранные туристы. В соответствии с распоряжением Минвуза СССР студенты МХТИ имени Д.И. Менделеева будут принимать участие в обслуживании Олимпиады-80.

К работе в третьем Олимпийском семестре привлекаются более 1700 студентов нашего института. Из них: 1000 человек — Студенческий Олимпийский отряд обслуживания, 180 человек — гиды-переводчики, 260 человек — производственные отряды сервиса, 250 человек — колонна студентов, открываю-

щих и закрывающих Олимпийские игры.

Подавляющее большинство студентов, участвующих в обслуживании, — москвичи и живущие в Московской области. Исключение составляет колонна открывающих и закрывающих Олимпийские игры, в которую могут входить студенты, имеющие постоянную и временную московскую прописку. Бойцы СОООТ будут работать в трехстах столовых и трестах московских ресторанах.

Отряд СОООТ будет работать с 10 июля по 6 августа. Большая часть студентов будет работать непосредственно на спортивных сооружениях. В нашем институте формируются также 2 отряда ПОС. 160 студентов будут работать администраторами, дежурными по этажу, горничными, носильщиками в гостинице АН СССР на улице Вавилова. Второй отряд ПОС будет работать в общежитии Тушино. С 6 июля по 6 августа в нашем общежитии будут проживать 1500 человек, открывающих и закрывающих игры, 250 из них — студенты-менделеевцы.

Работа по формированию Олимпийских отрядов начата отделом трудового воспитания комитета комсомола института в ноябре прошлого года.

В своей работе мы столкнулись с рядом трудностей: формирование отрядов проходило в крайне сжатые сроки, список принимающих организаций неоднократно менялся во время формирования отрядов, отсутствует директивная документация вышестоящих организаций. Несмотря на это, работа по организации Олимпийских отрядов на большинстве факультетов была проведена в срок (ТНВ, КХТП, ИФХ). Однако комсомольские организации ХТС, ТО и в некоторой мере ХТП факультетов затянули формирование отрядов.

М. КРАШЕНИННИКОВ

Гостеприимные хозяева

В 1980 году в Советском Союзе состоятся XXII Олимпийские игры, впервые проводящиеся в социалистическом государстве. На соревнования Олимпиады-80 приедут десятки тысяч спортсменов, журналистов и других гостей столицы. На города, в которых будут проводиться соревнования, ложится ответственная роль гостеприимного хозяина. Свою лепту в это должны внести студенты московских вузов, в том числе и МХТИ им. Д.И. Менделеева.

В нашем институте организован производственный отряд «Сервис» (командир — А. Клименко, аспирант, комиссары — А. Тюменев, Ф-51, Р. Кузнецов, П-54), который будет обслуживать общежитие Академии наук СССР — новое шестнадцатизатное здание на улице Островитянова. В состав отряда входят студенты 1-3 курсов ИФХ, ИХТ, КХТП факультетов. Численность отряда — 150 человек. Отряд будет работать с 10 июня по 10 августа.

Во время Олимпиады наши ребята будут обслуживать иностранных туристов, поэтому на них лежит большая ответственность. Студенты будут работать горничными, кастеляншами. Но мы думаем, что мужчины (а в отряде только мужчины) отлично справятся со своими обязанностями.

В настоящее время проводится большая подготовительная работа: проводится учеба паспортистов, курьеров, комманданта. В отряде состоялось комсомольское собрание, на котором был избран комсорг отряда, избраны бригадиры. Учеба основного состава отряда будет проводиться с 19 по 24 мая.

Практические занятия пройдут в институте с 9 июня по 15 июля. Будем надеяться, что отряд справится с задачами, поставленными перед ним.

А. ТЮМЕНЕВ, Ф-51.

ЧЕРНОБЫЛЬ 1986 — ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Радик Гаджиев, выпуск ИФХ 1987 г.

В ИВ №62/ 2024 были напечатаны воспоминания участника ликвидации последствий аварии на ЧАЭС сотрудника кафедры ТРЭН Михаила Важенкова «Жаркое лето 1986-го». На групповой фотографии (стр.26) в центре стоит Радик Гаджиев (в то время студент 5-го курса ИФХ). Его заметки очевидца событий 40-летней давности, дополняют картину воспоминаний, описанных Михаилом Васильевичем.

Спустя почти сорок лет после событий, последовавших за аварией на Чернобыльской АЭС, уже многое всплывает в памяти в виде размытых образов. В то же время нельзя не заметить, как создается новая картина тех событий. Создается она людьми, имеющими ограниченное представление о масштабах проделанной работы, о мотивах, которыми руководствовались ликвидаторы. Возможно в моих воспоминаниях будет много технических деталей, но может быть это поможет будущим авторам материалов к 50-летию юбилею аварии не считать сценарий сериала "Чернобыль" истиной в последней инстанции.

Считается, что об аварии на Чернобыльской АЭС основная масса населения страны узнала из выпуска телепрограммы "Время" в понедельник 28 апреля. Тогда я, студент 5 курса, жил в общежитии и собственного телевизора не имел, потому спокойно провел все майские праздники. Только потом из разговоров я узнал о тревожных событиях. Более подробные известия я получил на своей кафедре. Руководитель моей преддипломной практики Мухаметшина Зайтуна Бореевна работала на кафедре старшим научным сотрудником и выполняла работы по контракту с Курчатовским институтом, сотрудники которого уже работали

на ликвидации последствий аварии, и потому кое-какая информация, минуя границы секретности, распространялась среди специалистов. Вспоминая о тех событиях, не могу не вспомнить о Зайтуне Бореевне. Будучи научным сотрудником и помогая своим ученикам преодолевать те сложности, с которыми было связано обучение по нашей специальности, она не забывала и о практической стороне жизни. Своих студентов и аспирантов она устраивала совместителями по научным договорам. Для нас, учащихся того времени, это было не только финансовое подспорье, но и, что может быть более важно, возможность общения с крупными специалистами ведущих организаций отрасли. И что особенно ценно — вместе с преподавателями кафедры В.П. Селезневым, Э.Г. Раковым, В.В. Харламовым быть активным участником практического внедрения персональных компьютеров в научную и учебную работу. Уже в то время в дипломных работах, осуществляемых под ее руководством, внедрялось компьютерное моделирование и оптимизация процессов. При том, что выпуск по-настоящему персональных компьютеров начался в стране менее десяти лет до этого. Этот опыт работы с компьютером скажется на том, чем мне придется заниматься во время работы на ЧАЭС.

Во второй половине мая по лабораториям, в которых работали студенты-мужчины, проходившие на кафедре преддипломную практику, прошла Валентина Ивановна Савельева, в то время доцент и парторг кафедры, и попросила через полчаса собраться в лекционной аудитории. Через полчаса вместе с Валентиной Ивановной к студентам наших групп Ф-56 и Ф-57 обратился заведующий кафедрой

Чекмарев Александр Михайлович. Он попросил нас подумать о возможной работе по ликвидации последствий аварии. Сразу предупредил, что участие может быть только добровольным и только для мужчин. В первый момент согласие участвовать выразили кажется все присутствующие. Похожие собрания прошли и на других кафедрах ИФХ факультета. Не предусматривалось участие студентов кафедры квантовых материалов или студентов с других факультетов. На тот момент мы точно не чувствовали себя какими-то ни было героями. Во всяком случае, не помню ни одного разговора о необходимости участвовать или о нашей значимости на фоне студентов с других факультетов. У меня, молодого мужчины, в то время конечно были знакомые девушки, но вопрос о нашем предстоящем участии в работах по ликвидации последствий аварии я предпочитал не разглашать. Все равно, немного спустя, через коменданта все это стало известно. В большинстве девушки советовали уклониться от поездки.

После этого началось ожидание. Появилась информация, что планируется создание дополнительного стокилометрового кольца вокруг места аварии. Поскольку считалось, что мы уже имеем квалификацию дозиметристов, нашей задачей мог стать радиационный контроль проезжающего транспорта. Никаких других реалистичных версий не вспоминается. Сразу же решил: ничего о своем отъезде не сообщать родителям, а рассказать все уже по возвращении домой. Могли у нас тогда быть какие-то расчеты на получение неких благ? Нет, закон о льготах для ликвидаторов, работавших в период с 1986 по 1989, вышел только в 1990 году. То, что нас приняли временными сотрудни-

ками в штат станции, было совершенной неожиданностью. В отличие от сотудников и аспирантов с дипломом, которые в тогдашней нехватке сотрудников на станции могли занять вакантное место, мы, студенты, должны были вернуться к 1 сентября и приступить к занятиям.

22 июня ожидание закончилось, и к вечеру мы собрались у входа в главный корпус МХТИ. Кроме меня из наших групп там были Володя Швецов и Борис Городецкий. Из тех, с кем я был уже знаком, пришли аспиранты Михаил Болотин, Вадим Петров и сотрудник кафедры Михаил Важенков. Из руководства точно был декан В.Е. Кочурихин, еще кто-то, но их я не знал. Студентов и аспирантов с других кафедр я конечно раньше встречал, но не был с ними знаком. Всего на аэродром Быково нас поехало 14 человек. С первого же дня руководство взяло на себя Александр Полевой и Григорий Надъярных. Это было большой удачей. В первый же вечер по прилету в Киев им удалось зарегистрироваться в Министерстве атомной энергетики Украины. Мы получили ордер на места в гостинице Украина, зарегистрировались на получение временных пропусков, которые должны были быть готовы к середине следующего дня. Утром нам разрешили несколько часов прогуляться по

городу. Кто-то из ребят решил посмотреть достопримечательности, но я предпочел остаться в гостинице. Ожидая ребят, гулявших по городу, сфотографировались на память у здания Министерства атомной энергетики Украины.

Без приключений мы получили временные пропуска и дня на два-три начался некий сумбур. Мы побывали в нескольких городах вокруг 30-километровой зоны и неожиданно узнали, что зачисляемся сотрудниками станции. Никакого нашего участия это не потребовало, кроме посещения районного отдела внутренних дел, где нас сфотографировали и в тот же день выдали постоянные пропуска сотрудников ЧАЭС. Нас приняли на работу дозиметристами Отдела охраны труда и техники безопасности и выделили комнату в общежитии, бывшей школе. Начался короткий период собеседований, руководители подбирали себе сотрудников. Трое аспирантов были приняты на постоянную работу, в институт они, кажется, не вернулись. В службе ИДК (индивидуальный дозиметрический контроль) заинтересовались моим опытом работы с компьютером. Для большинства сейчас уже невозможно представить, насколько отличалась работа на персональном компьютере от того, как это выглядит сегодня. "Мышь" если и была уже изобретена, то была совершенной экзотикой. Чаще всего программа запускалась набором (только латиницей) названия в командной строке. Графическая оболочка появится лет через десять, точно в наличии не было ни одного печатного устройства. В то время в газетах писали, что президент США Рональд Рейган снял запрет на поставку в зону ликвидации последствий аварии высокопроизводительных компьютеров, но у нас таких точно не было, и что за компьютеры были поставлены, не могу ничего сказать.

С учетом нашего опыта мне и

Володе Швецову предложили заняться вводом показаний с индивидуальных дозиметров в компьютерную базу данных. Вместе с нами работало еще несколько сотрудников, в основном мужчин, которые занимались обработкой ТЛД (термолюминесцентный дозиметр) дозиметров. Похоже, мы попали в момент масштабной реорганизации. Еще оставались запасы старых пленочных дозиметров и дозиметров с ионизационной камерой. Пленочные носили сотрудники и студенты факультета при работе с радиоактивными веществами, ДКП-50 с ионизационной камерой изучались на военной кафедре. На смену им были задействованы новые ТЛД дозиметры на основе таблеток LiF, либо CaF₂. Одновременно было задействовано несколько видов дозиметров. По-видимому, комплекты свозились в срочном порядке из разных мест. По датам внесения индивидуальных доз облучения можно было понять, что и компьютерный учет внедрялся буквально при нашем присутствии. Внося данные из таблицы по Академии Наук, не мог не запомнить записи: академик Велихов и академик Легасов. В. П. Легасов - выпускник нашей кафедры, но о нем было как-то мало известно. Печек для обработки таблеток из дозиметров становилось все больше, рос и объем поступающих к нам дозиметров. Если раньше служба вела учет только сотрудников станции, то теперь дозиметры получали все, кто подавал на них заявку. Поэтому странно читать воспоминания о том, как кого-то отправили в самый центр работ и не выдали дозиметр. Все чаще нас привлекали и к обработке дозиметров. Нас с Швецовым, как временных сотрудников к работе в ночные смены не привлекали, а штатные сотрудники в напряженные моменты могли работать по графику: 6 часов днем, 12-18 часов перерыв, 6 часов ночью.

Лаборатория, в которой мы с

На фото: вверху — Петров В., Гаджиев Р., Болотин М.
внизу — Полевой А., Городецкий Б.

Владимиром работали, находилась в той же школе, где и наше общежитие. Там же и три раза в день мы питались в бывшем буфете. Полноценным горячим питанием по талонам мы были обеспечены, но сотрудники отдела, посещавшие по работе станцию, предпочитали питаться там. За месяц работы я кажется только раз бывал в городе. Чернобыль небольшой город, от обычного он отличался людьми на улицах. Практически только мужчины, одетые в спецовки или военную форму. Все с респираторами на лице. Несмотря на теплое лето, все встречные в головных уборах. Военные в новых кеппи, их называли "Афганки", гражданские в белых хирургических шапочках. Редкие женщины прячут волосы под косынки. Волосы наиболее сильно поглощают пыль с радиоактивным загрязнением и очень тяжело дезактивируются.

Заметно чаще, чем в Москве, проезжали машины, моющие улицу. У входов в здания лотки для мытья подошв. По резино-

вым шлангам туда постоянно подавалась проточная вода.

С ребятами, работавшими в «Сказочном», практически не общались, максимум пара слов когда кто-то из них заезжал к нам. Рабочий день 12 часов, о том, что у меня были выходные, узнал много лет спустя из табеля учета рабочего времени. Все имущество школы, кроме оружия из кабинета НВП, осталось на месте. В кабинете биологии можно было посмотреть на скелеты, в библиотеке остались книги. Пришлось читать классику, детские сказки уже не впечатляли. Вечерами играли в шахматы и домино. Несмотря на архаичность по сегодняшним меркам тогдашних компьютеров, на них уже успели попасть компьютерные игры. Урвав кусочек времени, можно было погонять например "Дигера". На бытовом уровне жаловаться было не на что. Помимо питания — неограниченный запас лимонада или минеральной воды, замена спецодежды сразу по обращению. Как сотрудникам

станции нам выдавали новую, а не из прачечной. Неограниченные запасы респираторов "Лепесток". Внешне они похожи на те, что использовались во время пандемии в 2020 г., но они были трехслойные, внутри специальная ткань, разработанная преподавателем нашего факультета академиком И. В. Петряновым, более известным как один из создателей телевикторины "Что, где, когда".

Прошла еще одна для станции смена, для нас с Владимиром она стала завершающей. Ребята, работавшие в Солнечном, получили грамоты Припятского горкома ВЛКСМ. Мы остались несколько в тени, но, надеюсь, никто не усомнился в добросовестности нашей работы.

Несомненно, судьба очень мягко обошлась в той ситуации со мной. Сейчас у меня есть любимая жена, двое детей. В завершение, все же нужно признать, что мои воспоминания писались тоже под действием того, как мне хотелось бы об этом вспоминать.

На фото: группа офицеров ОГОЗа на фоне главного здания ЧАЭС.
Сивков - второй слева.

Десятки наших выпускников были задействованы в ликвидации аварии на ЧАЭС как военнообязанные с ВУС «химик-разведчик». Один из них В.П. Сивков.

Сивков Сергей Павлович, выпускник 1976 г. ХТС факультета,

заведующий кафедрой технологии композиционных и вяжущих материалов (2007- 2020)

В октябре-ноябре 1986 г. принимал участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Был призван через райвоенкомат как старший лейтенант запаса на

Товарищу

СИВКОВУ

СЕРГЕЮ ПАВЛОВИЧУ

Выполняя задание Советского правительства в необычайно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной.

Командир войсковой части 59828
Генерал-майор Н. КАПУСТЯ
Заместитель командира по политической части
Подполковник И. СЕМЕНОВ
198 г.

ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТА ВРЕМЕН ОТПЕПЕЛИ

Главы из книги «25 лет жизни в середине XX века»

(продолжение, начало в ИВ № 58/2022)

Виктор Владимирович Винц, выпуск 1964 г. факультет ХТТ

В ИВ № 58/2022 были опубликованы главы из книги воспоминаний Виктора Винца, потомственного менделеевца, которую принесла в редакцию его дочь Вера, в то время сотрудник газеты «Менделеевец». Бережное и даже трепетное отношение к событиям и свидетельствам истории в семье Винцев вызывает огромное уважение. На семейных фотографиях - друзья и сокурсники двух поколений менделеевцев. Почти все персонажи, описанные Виктором Винцем в публикуемых главах, составляют ближний круг его друзей до сего дня, и даже через печатные строки чувствуется теплое отношение к товарищам студенческой юности.

Мне кто-то дал почитать роман Александра Дюма «Двадцать лет спустя». Захватывает. Я его буквально проглотил. А затем повёз документы в МХТИ имени Д.И. Менделеева. Прочитав перечень всех факультетов института, я остановил свой взгляд на самом маленьком топливном факультете, как бы домашнем. В приёмной комиссии сидела девушка, кажется, перешедшая на второй курс. Она рассказала мне, что топливный факультет хоть и самый маленький, но и самый дружный. Мне хотелось ей верить. Мы немного поговорили. Из этой беседы я запомнил только одну тему – спортивную. В ответ на её вопросы я сообщил, что гроссмейстер Авербах присудил мне ничью в последней не доигранной партии описанного выше командного первенства, что позволило мне выполнить норму II разряда по шахматам. Видимо, что-то иное я не считал серьёзным. А ведь у меня формально были выполнены нормы на присвоение III разряда по бегу на

100 м и прыжкам в высоту, а также присвоен первый юношеский разряд по баскетболу за удачные выступления нашей школьной команды в первенстве школ Московской области. В том самом, где меня выгоняли с площадки через 5-10 минут. Но я не считал всё это достойным упоминания, ведь я принёс документы не в Институт физической культуры. А шахматы – хотелось перед девочкой покрасоваться – пусть думает, что я умный.

... Практически весь июль я провёл за чтением книги «Общая химия» Глинки (не путать сей фолиант с оперой Иван Сусанин). Я считал, что занятия по другим предметам (русский язык, математика, физика, немецкий язык) на данном этапе мне уже ничего не добавят и не убавят. Но, как говорится в гимне химиков: «Мы вечно будем химию любить». Правда, для кого-то слово «любить» заменяется словом «зубрить». Надеюсь, это не обо мне.

Первый экзамен – сочинение на тему что-то типа «Образ Давыдова в романе М. Шолохова «Поднятая целина». Вовсю включилось подсознание, запретившее мне что-либо выдумывать. На сочинение полагалось 4 часа. Я, не мудрствуя лукаво, хладнокровно описал версию учебника по литературе и через 2 часа сдал работу экзаменаторам. Поставили мне 4 – за правильную и безошибочную работу. Тема раскрыта, но всяческих фантазий автор лишен – получай 4. А говорят, что у нас дуракам закон не писан. Ещё как писан!

Далее была математика. Отвечал я прилично, ни разу не сбился. В заключение экзаменатор (кажется, Каверин) отметил: «Могу Вам поставить пять, но лучше поставлю твёрдую четвёрку. Я про себя чертыхнулся

(«Лысый чёрт»), а не надо ли было не твёрдить. На следующий экзамен – физику – я пришёл во всеоружии – отступить некуда – слышал, что конкурс четыре человека на место. Вытащил билет, прочитал вопросы, продумал ответы и решил задачу. Сначала, увидев, что задача на оптику, я немного расстроился. Ведь полученные в школе знания по этому разделу были весьма скудными. Но вчитавшись в убивающее длинное описание условий по нахождению какого-то параметра, я стал вникать в приведенную ниже сложную формулу для его определения. Вдруг выяснилось, что все другие значения параметров, входящих в формулу, перечислены в исходных данных. Нужно было только не запутаться в их изобилии. Сиж, «курю», ожидая вызова, и замечаю сигнал SOS от девушки за соседним столом. Она просит решить её задачу. Решаю... и переправляю шпору по адресу. Экзаменатор заметил какое-то движение в аудитории и тут же призвал меня к ответу. Я доложил свои соображения по вопросам билета и продемонстрировал решение задачи. Он поставил мне пять, не задав ни одного дополнительного вопроса. Интересно, что свою псевдозадачу я относительно помню, а задачу для девушки я действительно решил, но не могу ничего вспомнить о её содержании. Вот уж поистине своя рубашка ближе к телу. У каждой медали есть и обратная сторона. Ничто не мешало экзаменатору выставить меня за дверь за нарушение общественного порядка. И прощай институт. Но, если женщина просит.... Я не смог устоять. Впоследствии я узнал, что девушку величали Валентина Басманова. Кажется, она поступала (и поступила) на органический

факультет, поселилась в общежитие студгородка на Соколе, и некоторое время была дружна с моим будущим другом — Олегом Сулеймановым. После окончания второго курса она пошла с нами (топливниками) в карпатско-крымский туристический агитпоход, длившийся 35 дней.

Настроение у меня улучшилось, и я спокойно получил пятёрку по немецкому языку, основываясь на базе знаний, полученных мною в восьмом классе в школе № 204 имени А.М. Горького.

19 августа (день-то какой!) я вышел из дома рано утром, зашёл на импровизированный маленький базарчик, который этим летом возник возле монастырского (тогда спортзальского) пруда. Там я купил 1 кг свеженьких яблок и поехал в Москву на заключительный экзамен по химии. По дороге я эти яблоки одно за другим съел и полностью умиротворённый сдал экзамен по химии на 5. Когда преподаватель, принявший у меня экзамен, поставил мне оценку в табель, меня вдруг остановила женщина — член экзаменационной комиссии. Она спросила меня о моих родителях — где они и что они. По-видимому, я был похож и на папу, и на маму, и она меня узнала и просила передать им привет от Валентины Карькиной. Как дома выяснилось, она училась в одной группе с моими родителями. В 1966 году они встретились на 25-летию окончания МХТИ.

... Я вернулся домой. 23 балла — наверняка пройду. Но особой

радости не было. Наоборот, была какая-то меланхолия — прощание с всё-таки счастливым периодом жизни. А что дальше.... На следующий день мне ничего не хотелось есть, не было аппетита. Я вышел на улицу. В беседке около нашего дома ребята «всех» возрастов дулись в карты на деньги. Без всякого энтузиазма я немного посмотрел — не интересно. Вернулся домой и решил для поднятия аппетита выпить сухого вина. Надо сказать, что моим единственным «достижением» в винно-водочных делах был пресловутый стакан коньяка — год назад. Выпив полтора стакана вина, я не получил удовлетворения — аппетит не появился. И так несколько дней — отвращение к еде и какая-то вялость. 26 августа я решил отвлечься и поехал к бабушке. Я с порога пожаловался на отсутствие аппетита, она пристально посмотрела на меня и сказала, что у меня желтуха. Нет, я не пожелтел. Если посмотреть на меня внимательно, то можно усмотреть слабую желтинку в глазах, но для этого надо быть бабушкой. После этого она поинтересовалась цветом мочи и кала и сказала, что мне следует вернуться домой и немедленно пойти в местную поликлинику. Бабушка добавила, что ничего страшного, это незаразно, меня немного полечат, и я пойду на занятия в институт вовремя. Вот уж взрослые, сами врут, а нам не разрешают...

Я терпеливо сносил все «тяготы» больницы целых 4 дня, а затем принялся за обработку вра-

чей, постоянно утверждая, что я совершенно здоров. Второго сентября ко мне приехали папа и мама. Они «успокоили» меня тем, что декан у меня Глеб Макаров. Вместе они учились (но на разных факультетах). Они с отцом часто пересекались на общественной работе. Глеб в курсе моих дел. Всё в порядке. Нужен мне такой порядок! Зачем мне какой-то Глеб? Какое он имеет ко мне отношение? И я с удвоенной силой взялся за обработку врачей и сестёр (милосердия). Неделю они терпели демонстрацию моего здоровья, а затем написали меня домой под наблюдение местного врача. На дворе стояло 8 сентября.

Студенческие годы

10 сентября я вышел «из отпуска» и приступил к работе. В нашей группе оказалось 16 человек. Два парня отселились после первого курса. Познакомился со старостой группы. Им оказался Евгений Сливинский. Он сказал, что у него в ведомости была одна «недостача»: Винц В.В. — где она или он? От него я узнал, что мы попали в компанию подопытных кроликов: и уже следующую неделю должны приступить к работе, причем примерно половина группы — на московском электродном заводе (МЭЗ), а остальные студенты дневного вуза — на номерном предприятии 40-19. И так придется чередовать посещения два года. Больше ничего не могу сказать о первой неделе в МХТИ, кроме того, что на учебную неделю я переселился к бабушке, от которой я меньше, чем за 10 минут добирался до института. На мою заводскую неделю «в институте» я возвращался домой, так как из дома мне удобней и быстрее добираться до места назначения. Мой новый маршрут: Дзержинка — Люберцы — Новые дома — трамвай (4 остановки) — МЭЗ. Я был принят на завод слесарем в насосную, обслуживающую прессы. На последних «выпрессовываются»

фрагмент фото группы ИХТешников, 1939 г. Крайняя слева В. Карькина

Е. Сливинский

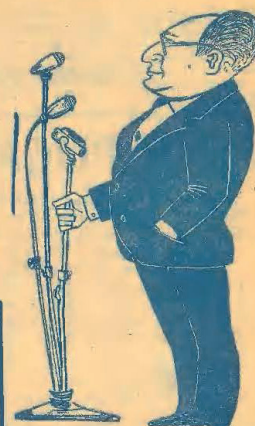
29 декабря 1965 г., № 39 (932)

МИЖБАА

Деканы: **К**УЗНЕЦОВ Л. А.,
ЕШИШЯН Т. Н.,
ОВТУНЕНКО П. В.,
ЛЕЕВ Б. В.

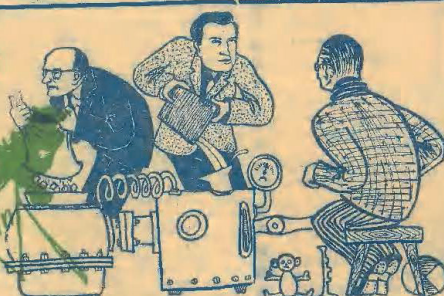
Кто вас, детки, крепко любит?
Кто отличников голубит?
Кто угадет вас за лень?
Кто вас помнит ночь и день?

Доцент Е. Т. АЗРИЕЛЬ.
Знают студенты и малые дети:
Такого лектора нет на свете!

Декан по работе
с иностранцами Е. И. СУРКОВ

Кто он? Отец-терой иль мать?
Не стоит долго здесь гадать:
В Судане, Алжире, Мали,
где угодно —
Известен
декан международный.

АРТЕЛЬ «ПОЛИМЕР»
(Г. С. КОЛЕСНИКОВ, В. В. КОРШАК, М. С. АКУТИН)
А вот перед вами яркий пример
Союза химических граций:
Работа кипит, и артель «Полимер»
Будет фирмой «Прогресс» называться.

РЫБОЛОВЫ
(В. М. Гусев, И. Н. Шокин,
Ю. А. Стрепихеев,
П. А. Загорец)

Стоит проблема сточных вод
Преж химией который год.
Вот почему все рыбаки
Ушли подальше от реки.

Студентам вечернего
Факультета

Слабый отблеск свечи,
Чья-то бледная тень,
Ходит, бродит
в потемках без света.
Так встречает студент
новогоднюю ночь
В обстановке родной
факультета.

Профессор В. В. КАФАРОВ и К°
(Годнее гадание с использованием
новейшей электронной техники)
■ Лень ты знать: быть иль не быть,
■ Счит тебе иль не светит?
■ Надо лишь кнопку позолотить,
■ И тут же машина ответит.

графитовые электроды различных диаметров. Одновременно я встал на учёт в комсомольской организации завода. Получается, что зарплату нам платят на МЭЗе, а стипендию мы не получаем. Таким образом, завод — основное место начала нашего студенчества, а институт как бы пока побочное явление. Впрочем, мне всё равно стипендия не светила из-за того, что в нашей семье приходилось больше 500 рублей в месяц на одного человека. Меня приняли на работу учеником с зарплатой 300 рублей в месяц. Я думаю, что тогда в нашей стране это была минимальная зарплата. Хотя мы работали только две недели из четырёх, учениками получали стандартную минимальную зарплату, а через три месяца, когда сдали экзамен на присвоение, кажется, третьего разряда, нам стали платить нормальную зарплату, деля её на два. Не думаю, что она сильно отличалась от 300 рублей в месяц (примерно 6000-9000 рублей в настоящее время, 2016 г.). При этом зарплата ученика не облагалась налогами, за исключением комсомольских взносов (шутка).

На заводе в том же цехе, что и я работал наш студент Лёня Ларин, с которым мы постоянно общались. Ему повезло — рас-

стояние от дома до завода сродни моим четырём трамвайным остановкам.

Двух товарищей по счастью-несчастью, отчисленных после первого курса — Данилова и ещё одного парня (Авраменко), успеваемость которого не вызывала у меня нареканий, я больше упоминать не буду.

Два студента — Коля Сенин и Олег Сулейманов — работали в другом цеху, но тоже на нашей стороне, а девочки — Ирина Кобазева и Мила Колокатова, Тоня Кузовкова и Людя Грузнова, Рачка (маленькая, маленькая) Цукалина, Таня Астафьева — трудились на другой территории завода (через дорогу). Женя Сливинский, Коля Стрыков, Лида Головина, Таня Нифонтова были устроены в почтовом ящике 40-19. Кажется, был ещё Володька Ерастов, но возможно он трудился во второй половине группы, студенты которой были нашими сменщиками на обоих предприятиях. Но со многими из них я познакомился фактически только на третьем курсе, когда мы все стали обычными студентами.

21 или 22 сентября весь наш поток, включающий студентов всех факультетов, был на стадионе, где преподаватели физкультуры хотели посмотреть, кто к ним пришёл, и что с нас взять

О. Сулейманов

по их профилю.

В этот день я ближе познакомился с нашими петушкинцами: Женей Сливинским и Колей Сениным. Мы разговорились о спорте. Ребята промолчали о том, как они бегали и прыгали в школе, но спросили меня о моих достижениях. Я рассказывал всю правду и только правду. Петух распустил свой хвост, как настоящий павлин. Можно ли это назвать хвастовством? Я так не считаю. Вот только ребята разглядели павлина. Свою недавнюю болезнь я уже забыл. Что болезни оставляют след в жизни человека, мне было неизвестно. Не насторожила меня даже справка о полугодовом освобождении от занятий по физкультуре, выданная мне во время заключительного визита в поликлинику. Более того, я был возмущён: меня, «великого» спортсмена освободить от того, чем я горжусь?! Ну, нет! Едва покинув поликлинику, я без сожаления разорвал эту справку на мелкие кусочки. И вот ребята, я здесь, я с вами на старте моей любимой дистанции — 100 м. Ярываю финишную ленту, естественно, первым. Кто бы сомневался! И вот объявляют результат — 14,2 секунды. Что такое? Я так бегал в пятом классе. Ещё четыре месяца назад я пробегал стометровку за 12,4, что выше нормы третьего разряда (12,5). И это только благодаря природным данным, без специальных тренировок. Ведь таковыми нельзя назвать игру в

футбол с утра до вечера?! С перерывом на обед. Я ещё не осознал происходящее. Подумал, что партнёры в забеге были слабые. Что это меня не стимулировало. Какая наивность. Ведь в школе у меня был только один конкурент — Валька Усов. И свои лучшие результаты мы с ним показывали в разных забегах. Остальные ребята бегали значительно хуже. Но там мне ничуть не мешало отсутствие конкуренции. «Но в сердце лysteц всегда отыщет уголок». Даже в своём собственном. Я сказал себе, что это случайность. Вот уж доберусь до прыжковой ямы. Уж там-то я в пятом классе прыгал в длину под 5 м, и только полное отсутствие специальных тренировок позволило мне улучшить результат лишь на полметра в десятом классе. Действительно, антропометрические данные круто изменились, но техника прыжка отсутствовала. И вот я на беговой дорожке — внимание — прыжок, замер и результат 4 метра 06 сантиметров. Ребята поглядывают на меня насмешливо саркастически, особенно Женька. Коля попроще. На его физиономии сарказма я не уловил, а что-то насмешливое ощущалось.

Но испытания ещё не окончены. Нам дают команду «На старт» дистанции 1500 м. Так далеко я ещё никогда не бегал. Нас разделили на два больших потока, именно потока, потому что в нём было много ребят. Что там возиться с нами, разбивать нас на много групп. Два забега... и basta. Как заправский спортсмен, я рванул со старта и первую стометровку закончил в гордом одиночестве. Но предстояло-то в 14 раз больше. Постепенно меня стали обгонять участники забега и через круг (400 м) обогнали все. Когда я осилил второй круг, преподаватели физкультуры кричали мне, чтобы я сходил (с дистанции). По-видимому, вид у меня был ужасен. Но я дотерпел и финишировал последним

со временем 6 минут 12 секунд, удостоившись похвалы моих будущих тренеров за проявленную силу воли. Начал ли я что-нибудь понимать? Да, по крайней мере, то, что мои результаты не случайны. Следом был запущен второй забег, в котором бежал Женя — почему-то он сразу «зацепил» моё внимание. Мы ещё не были друзьями, но уже ревниво присматривались друг к другу. Второй поток оказался значительно слабее первого. Читатель уже понял: на финише я был в «гордом» одиночестве. Женя же в своём потоке пришёл на финиш в середине и показал, как вы думаете, какой результат? Конечно же, тоже 6 минут 12 секунд — секунда в секунду. Почему-то я запомнил именно его результат и больше никого. По-видимому, это означало, что именно он серьёзно воздействовал на моё самолюбие. По-моему, нечто подобное испытывал ко мне и он. Парадоксально, что я даже не вспомнил о только что перенесённой болезни. И это несмотря на ужасные результаты. Если бы юность знала....

Легкоатлетические уроки физкультуры закончились. О своих рассказах я, конечно, забыл. Я им не придавал никакого значения. Просто пересказывал то, что было. Так же я мог рассказывать и о чём угодно, а не только о себе любимом. А вот ребята запомнили и, конечно, решили, что перед ними отъявленный хвастун и врун. Я ещё им поведал, что у меня и по шахматам второй разряд (правда умолчал о том, что присвоил его мне и ныне (2016 г.) здравствующий гроссмейстер Юрий Авербах). До поры, до времени это вызывало у них скептические улыбки. Когда во втором семестре я появился в студенческом общезжитии, и мы сыграли первые партии в шахматы, всё встало на свои места. И я надеюсь, что не только в отношении шахмат.

Следующее «физкультурное»

испытание мы проходили в институтском тире. Была стрельба лёжа из винтовки. У нас с Олегом Сулеймановым мишени оказались рядом. Сначала нам выдали по три «пули» для проведения пробной пристрелки. Я всадил все три пули в самый центр десятки. Инструктор с возбуждённым интересом устроился для просмотра моей новой мишени. Но у меня устали и стали слезиться глаза от перенапряжения — уж очень хотелось штамповать десятки. Результат ухудшался с каждым выстрелом. И вообще мишень зафиксировала только девять «снарядов» после десяти выстрелов. Инструктор давно потерял интерес ко мне и переключился на Олега, который долго запрягал (на пробных выстрелах), но быстро поехал. Мишень Олега приняла десять выстрелов в яблочко — 92 очка и готовый третий разряд для отчёта о выращении спортсменов-разрядников. Но вот беда — «в молоке» обнаружена одиннадцатая пробоина. Чья? На 99,9% — моя. Так мой выстрел испортил разрядную мишень. Я не думаю, что Олег был очень огорчён, но взгляд инструктора откровенно извергал досаду. А на меня он смотрел прямо-таки зло.

18 октября наша половина группы собралась у Милы Колокатовой по случаю её дня рождения. Мы ближе познакомились друг с другом. Почему-то мне

Юный шахматист Виктор Винц

запомнилась выпивка на кухне. Мне пить нельзя, по крайней мере, в текущем году. Об этом строго предупредили врачи. Но ведь мне 17 лет. Я, с одной стороны, опасаясь спиртного, помня о начале заболевания желтухой и о рекомендациях врачей. А с другой стороны, при первом более близком знакомстве мне не хотелось отличаться от других ребят. Ну не могу я ссылаться на болезнь. Пристраиваюсь около мойки и незаметно, лёгким движением смахиваю содержимое рюмки в раковину.

После этой встречи я проникся симпатией к Миле. Надо же мне было выбрать девушку, о которой приятно вспоминать или, если угодно, грезить ею. Но это ещё не «Мой милый мак». По-видимому, я так замаскировался, что она даже не подозревала о моей симпатии к ней. А получить из этого что-либо материальное в данном случае могло только при условии тайного (или явного) взаимного влечения, которое неизбежно перешло бы в явное чувство. Но этого не случилось. Какой Колокатова (Молодцова) стала через два года, мне не импонировало. Но если бы она была со мной, то уж точно была бы другой. Впрочем, для меня эта симпатия не являлась чем-то серьёзным и была одним из многих моих увлечений и «увлечений», например, шахматами и черчением, освоением профессии слесаря и уходом за бабушкой и пр. Кавычки расставить приглашаю читателя.

Уже в первом семестре я нашёл шахматистов в институте и стал членом команды МХТИ, последний раз участвующей в первенстве сильнейших вузов Москвы. К сожалению, появление в институте неделю через неделю не способствовало росту шахматных амбиций, без которых невозможны серьёзные достижения.

Кстати, мы немало партий сыграли с моей внучкой Машей. В ней что-то было, заставлявшее меня пробовать ещё и ещё. Ког-

да же мы привлекали компьютер, возникали интересные коллизии. На партию полагалось по полчаса машине и человеку. Если я не прибегал к помощи Маши, то часто мне не хватало времени. Компьютер играл быстрее. Но Маша начинала партию, делала примерно 10 ходов с удивительной осторожностью и ставила компьютер в задумчивое положение. По-видимому, в его библиотеке ходы Маши не были запрограммированы. Компьютер тратил на эти 10 ходов половину своего времени. Доигрывать партию садился я. Маша не тратила времени на обдумывание ходов, и у меня было в запасе почти 30 минут. Этого мне вполне хватало, чтобы объявить программе Гениус мат. Но дальше у нас с Машей дело не шло. Я не сумел привить ей именно амбиций, без которых невозможно дальнейшее совершенствование.

В шахматной команде МХТИ мне предоставили выступить на последней двадцатой доске. Моего второго разряда явно недостаточно для более высокого места. Я победил в одной партии и на этом закончил свои выступления. Заметь, читатель: Победил, а не просто выиграл. Наступил жизненный цейтнот. И виной (бедой) всему оказалось черчение. Работа на заводе почти исключала какие-либо ещё занятия. А учебную неделю я вынужден был всецело посвящать черчению. Здесь не было какой-то мыслительной работы. Я просто неуверенно держал карандаш. У меня «выскакивали» то очень тонкие, то толстые линии. Каждый лист ватмана был истёрт ластиком до дыр. Однажды в электричке я устроил тубус с чертежами на надоконной полке и, проспав весь путь до Люберец, опрометью выскочил на перрон без тубуса. Если бы я лишился чертежей, то в пору было бы завязывать с институтом. Проклятый болт! На моё счастье конечной станцией этой элек-

трички были Панки, уже упомянутые ранее, расположенные в трёх километрах от станции Люберцы. На следующей электричке я добрался до Панков, пошёл в прилегающее к станции депо, нашёл там «свой» поезд, и сотрудники депо помогли мне извлечь вожденный тубус из нужного вагона. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Но не черчением единым жив человек. Я — человек или у кого-либо есть сомнения. Помните у Ю. Германа в романе «Дорогой мой человек» главная героиня (Варя) говорит: «Я — человек, Володя!»

В нашем институте была военная кафедра, что избавляло нас от возможности думать о призыве в армию. Но моё отношение к необходимости содержать большую армию было скептическим. Мы — победители Европы — настолько здорово проявили своё могущество, волю и характер, что войны не будет никогда, тем более, что у нас на вооружении атомный арсенал. А у меня был предмет, в котором я столбом выделялся в своей группе. Это — История партии, с которой я знаком с третьего класса. Я выступал с докладом на каждом еженедельном (учебном) семинаре. А ведь мог попасть в записные диссиденты. Помните, дорогие читатели: «Суждены нам благие порывы...». Вот, ирония судьбы. Очередное занятие военным делом предшествовало семинару по Истории партии. Но заболел «наш» полковник Дымов. Чтобы мы не шалберничали, на урок прислали посидеть с нами майора Озерова. Он предложил нам «от сна устав, читать устав», заполнив паузу этим важным действием. Вместо устава я решил лучше подготовиться к грядущему семинару по Истории партии. Майор заметил меня за чтением «под партой» и сделал замечание. Я ответил: «Есть» и, немного выждав, занялся прежним делом. Заметив это, майор рассвирепел и от-

правил меня к генералу за решением присутствовать на занятиях. Заведующий кафедрой генерал-майор Чертков был ещё и заместителем командующего московским учебным округом. Я, сразу поскучив, робко приблизился к военной кафедре, приоткрыл дверь и заглянул вовнутрь. Вижу — сидит человек с одной звездой на погонах и вопросительно смотрит на меня. У меня ушла душа (подсознание) в пятки, не могу различить, кто там сидит: майор или генерал, но точно не младший лейтенант и не маршал. Я робко глаголю: «Мне бы генерала». Я генерал — уверенным басом (а может и не басом — у меня сердце в пятках) отвечает человек с одной звездой. Тут уж я вхожу, прикрываю дверь кафедры и направляюсь к командующему строевым шагом. Докладываю ситуацию — мол, готовился к семинару по Истории партии, вместо того, чтобы читать устав. Так и хочется поставить запятую перед уставом. Но нельзя, воинский устав — это вам не, устав от бремени. Генерал выслушал меня и «наложил» резолюцию: «Вы будете исключены из института». Я хоть и был где-то наивным салажонком, но мгновенно сообразил, что это невозможно. Тогда уже генералу грозит диссидентство (шутка). Он ожидал сцены из Ревизора, но... не вышло. Я уверенно сказал: «Есть быть исключенным из института» и развернулся на 180°, готовый штамповать отход. Спина слушает обескураженный голос: «Подождите». Я разворачиваюсь лицом к генералу и, маршируя, жду продолжения. Стипендию получаете — схватился за соломинку генерал. Если первая сентенция имела цель напугать гусёнка и потом, выполнив воспитательную миссию, простить, то неожиданный разворот разозлил генерала, и он решил применить власть. Но получил в ответ: «Никак нет, получаю зарплату на заводе». МЭЗ был вне сферы

действия вице-командующего московским учебным округом. Чести генерала, он не стал срысывать свой гнев на «бедном» гусаре, то бишь, студенте и отпустил меня с миром, заметив, что в следующий раз!... Ужо! Я явился в аудиторию и доложил майору Озерову о допуске к занятиям. Садясь на место, я уставился в устав и смотрел в одну точку, пока не прозвучал звонок.

В октябре 1959 года я получил первую зарплату — 300 рублей — три большущие имперские сотняги. Некоторые люди считают, что время распада советской империи началось в 1956 году с разоблачения культа личности Сталина. Тогда, продолжая эту линию, через 5 лет были отменены имперские деньги. В 1961 году имперские сторублёвки были заменены на малюсенькие десятирублёвки того же достоинства, чисто внешне напоминающие нынешние сторублёвки. Но мои первые заработанные деньги были в имперском облики. Держу я в руках три купюры и думаю: «Куда бы их деть»? Ведь за мои почти 18 лет жизни я ни в чём особенном не нуждался, даже в 1955-1956 годах. Наверное, это можно назвать самодостаточностью, но, примерно, через два года я ближе узнал воистину самодостаточного человека — Колю Стрыкова — моего одноклассника. Думаю, что подлинной самодостаточности я достиг годам к 55-ти, да и то только на работе. Но вернёмся к хронологии описания. С первой зарплаты я купил маме брошь за 65 рублей. На те же деньги можно было купить, например, 1 кг красной икры или 0,5 кг паюсной (чёрной) икры. Остальные деньги я не знал куда применить. А ведь чуть более года назад те же три сотни разошлись у меня незаметно — в Новом Афоне. Но, я же тогда впервые увидел море, озеро Рица и пр. В общем, первые два студенческо-заводских года зарплата одновременно была всеми моими карманно-

проедательными деньгами, а вот, начиная с третьего курса, я оказался на полном обеспечении у родителей.

На заводе у нашей бригады примерно раз в месяц случалось планируемое происшествие — разгерметизация в главном большом прессе на валу «подкопечника». Это случалось примерно один раз в месяц в результате пробоя самого крупного сальника — герметизирующей прокладки с условным диаметром (можно сказать, высотой) 4-5 см. Длина сальника составляла более двух метров. Это происшествие действительно было планируемым, но непредсказуемым, чем-то напоминала мне электрон Гейзенберга — он, конечно, есть, но пути его «неисповедимы». Каким-либо обычным утром мы выходим на работу и вдруг — свершилось: узнаём, что сегодня в ночную смену предстоит операция под кодовым названием «Ялта». В 00 часов 00 минут трое отважных слесарей и примкнувший к ним то ли студент, то ли «наш» (моё прозвище в бригаде) подходили к главному прессу. В дневное и вечернее время этот агрегат должен ударно штамповать электроды и лишь на ночь ему иногда дозволялась передышка. Рабочие насосной видели на заводе других наших ребят, вот те были у них «не наши», а я «наш». Около прессы кем-либо из нас открывалась квадратная крышка, и мы спускались вниз под землю — под пресс — по прилагаемой лестнице. Когда я впервые спустился под верхнюю «аранжировку» прессы, то увидел там вал прессы диаметром около метра. Решив, что мы уже были в Ялту, я стал искать место, где бы удобней притулиться, чтобы начать работу. А коллеги смеются: «эта остановка — «Симферополь», «Ялта» — следующая. И мне указывают на лючок в одном из углов Симферополя. В это отверстие уже не так просто пролезть. Но, когда достигаешь дна двойного подземелья, иными

словами — прибываешь в Ялту, то видишь маленькую «комнатку». По сравнению с ней наша кемеровская четырёхметровка кажется просторным дворцом. Посередине этой комнатки лужа, которая под давлением наших напряжённых ног в процессе работы существенно расходится вширь, превращаясь в вязкую суспензию. Мы садимся на корточки вокруг вала пресса. Подконечник (я его называю в отличие от наконечника — да простят меня русские лексика и грамматика) торчит в 15 см от лужи (то есть, от дна этой преисподней). Фланцы, зажимающие сальник, находятся на высоте чуть более метра. Мы откручиваем огромные шпильки по периметру, одну за другой — каждый на своей стороне, «хором» снимаем нижнюю часть фланца, вынимаем отработанный сальник, укладываем новый, закрепляем его, поднимаем «буксу» (это у меня такая железнодорожная ассоциация), надеваем её на шпильки и зажимаем фланец соответствующими ключами. Конечно, я слишком быстро описал все операции. На самом деле необходимы «перекур». В Ялте достаточно тесно, и создаётся такое ощущение, что отовсюду капает вода. Стоит во время отдыха ненадолго прикоснуться к стене, так сразу вся роба насквозь промокает. Вся стена в капельках воды. В 4-5 часов утра работа заканчивается. Все завтракают и садятся забивать козла до конца смены.

Приблизилась моя первая сессия. Наконец, был сдан на 4 балла зачёт по черчению. Математика, начиная с середины октября, была мною полностью запущена, что привело к двойке за декабрьскую контрольную. Это было неповторимое унижение. Семинары у нас вела пожилая женщина, носящая фамилию «Раевская». Она решила, что я непроходимый бездельник. По двум предметам я был лучшим в своей группе — истории партии и немецкому

языку. Вспоминаю с благодарностью внешне не притягательную учительницу в восьмом классе. Неужели и в институте поеду на ею заложенном багаже? Общая химия давалась мне непросто. Занимались мы по книге, написанной Некрасовым (химиком, но не поэтом). Там были сплошные дополнения мелким шрифтом. Но дело ограничилось коллоквиумом в середине семестра и зачётом в его конце. Ещё была начертательная геометрия. Требовалось приготовить (начертить) эпюры и следовать с ними на приём к преподавателю. Как ни странно, с ними я справился, хотя здесь тоже присутствовало черчение, но оно содержало иную изюминку — с переносом центра тяжести.

Перед подготовкой к экзамену по начерталке, так мы называли начертательную геометрию, я чувствовал себя не очень уверенно по каждому параграфу, неоднозначно усвоенному мною из лекций и семинаров из-за дефицита времени. Но у меня была в запасе рабочая неделя и ещё три дня. Мне помогли заводчане, предоставившие мне отгулы. В результате, я успел.... Как и на вступительном экзамене по физике, я помогал решить задачу, теперь Люде Грузновой, самого же хватило только на четыре балла. Вторым был экзамен по математике, по которой я провалился на контрольной работе. Я хорошо подготовился и рассчитывал сдать экзамен на «отлично». Но человек располагает.... Попади я к любому другому преподавателю, кроме выше обозначенной пресловутой бабушки, то получил бы, то к чему стремился. Но Раевская уже составила своё мнение обо мне, как об отъявленном лодыре (если не сказать больше) и сдвинуться с этого места не желала. Она больше часа гоняла меня по всей программе. Я не прогибался, безукоризненно отвечая на все вопросы. Это напоминало мне экзамен в шко-

ле, в процессе которого я не боялся никого и ничего. Тогда она засыпала меня ворохом задач. Я, решил в мгновение ока пять или шесть задач и на очередной задаче в показательной спешке прокололся — забыл поставить «минус» в формуле. Раевская долго ждала этого момента. Она тут же изрекла: «Грубейшая ошибка» и поставила мне три балла. Впервые в жизни я ушёл после экзамена, несолоно похлебавши, сдерживая слёзы и не понимая причин такой вопиющей несправедливости.

Последним был экзамен по Истории партии. Здесь я был бэтманом. С 10 лет История ВКПб, с 15 лет вновь переписанная История партии и труды Ленина. Например, моей любимой политической книгой сначала был «ужастик» Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», затем «роман» «Государство и революция», который я просто изучал и мечтал применить в действии. На всех еженедельных семинарах я выступал с докладами, значительно выходящими за пределы программы. Но бог не может без чёрта — единство и борьба... и не всегда поймёшь кто и где. Лекции по Истории партии нам читал руководитель наших семинаров Грибов в большом актовом зале (БАЗе). Мы с Санькой Садиленко, Владиком Худаком и Олегом Сулеймановым поднимались на самую верхотуру БАЗа. Спинками кресел последнего ряда мы были отгорожены от посторонних глаз. Дальше было некоторое свободное пространство, снабженное столом для любителей острых ощущений и дальше — огромные окна. Лекция по Истории партии всегда начиналась с самого утра, чтобы студенты наилучшим образом усваивали ЧТО, ГДЕ и КОГДА. Перечисленная мужская компания собиралась за указанным столом, чтобы совместить приятное с полезным. Приятством

служила преферансная пуля. Ну а полезной, конечно, была информация о нашей Партии, иногда доходившая до нас, если лектор возвышал голос. Правда, как честные бессребреники, мы не допускали шелеста денежных купюр и позвякивания монет. Шкурный интерес отсутствовал. Просто была наука побеждать, самоутверждаться.

Наконец, настало время последнего экзамена первой сессии — Истории партии. Его сдавал преподаватель Соколов. Она была «потрясена» моими познаниями сего предмета. Восторженные эпитеты сыпались как из рога изобилия. Но когда она открыла мою зачётку, чтобы каллиграфически вывести отл., её изумлению не было предела. Выше её разумения были хор. по начерталке и уд. по математике — у такого студентчище, закалённого префом на лекциях Грибова. Единство и борьба противоположностей. Больше экзаменов по общественным наукам не сдавал — автоматом получал в зачётку «отлично».

Всё!! Первая сессия сдана 2 февраля 1960 года.

Следует подвести итоги первого семестра. Что он дал и каков был я? Так уж сложилось, что последние два года в школе я на голову превосходил своих одноклассников. В общем, я несколько не сомневался, что и в институте стану лидером. В силу предыдущей подготовки я стал несомненным лидером по общественным наукам и немецкому языку. Моё «Я» было разрушено черчением, с которым я с большими приключениями справился ценой пробелов по своему любимому предмету — математике. Запустить общую химию мне никто бы не позволил — в семестре были коллоквиумы, которые нужно было обязательно сдавать — просто сдавать — без оценки. Не допускался только неуд. Это была обязателька. А математика — ну, подумаешь, составила своё отрицательное

мнение обо мне «преподавательница» Раевская. Наверстаю и докажу бабке, что я не я. Чем кончился экзамен, я уже писал. Это больно ударило по моему самолюбию, ведь старуха лишь поменяла неуд (за контрольную работу) на уд на экзамене. Пойти на большее она не могла в силу своих закостенелых убеждений. А я с её подачи уже не Великий в собственных глазах?! В душе я уже выразил сомнение в выставляемых оценках и стремлении к ним. Но знания никто не отменял. Однако, что есть «Знания»?

Это мои первые впечатления о первом семестре.

Начался второй семестр. В нём не было черчения и начерталки. Больше химии, математика, истмат и диамат, немецкий язык, физкультура, физика. С учётом того, что мы учились неделю через неделю, это вполне достойно.

На заводе были насосы, которые мы ремонтировали (иногда с использованием кувалд — вправляли ими станину для симметрии), большие и маленькие сальники, маршрут Москва — Симферополь — Ялта и обратно. Рабочие были простыми парнями, как правило, с семилеткой за плечами. Они, конечно, любили выпить, но в меру. За год работы в насосной я не видел там ни одного пьяного в стельку рабочего. Между прочим, обед они приносили из дома и привычно закусывали нарезанными ломтями хлеба от батона по 2-90, снабжёнными увесистыми кусками буженины. Судя по всему, рабочие в СССР в то время и в том месте жили неплохо.

В институте я стал ходить на хор, которым руководила симпатичная блондинка 22-24 лет (Захарова, кажется, Галя). Мы пели:

*Мысли пытливейшей нашей полёт
В завтрашний день нацелен.
Упорно стремиться вперёд
и вперёд
Учил нас великий Ленин.
Мечтать, надо мечтать...*

und so weiter.

То ли меня хватило на один семестр, то ли хор распался — не помню. Но в третьем семестре с хором было покончено.

В связи с тем, что от меня уплыло московское жильё, я через один-два месяца на птичьих правах иногда устраивался в студенческом общежитии на Соколе, в том самом шестом корпусе, в котором жила мама, разбомблённом немцами в 1941 году (возможны вариации, не меняющие существа события). Я не имел права на общежитие, так как Дзержинка располагалась в 3 км от кольцевой дороги (в 1965 году посёлок даже был включён в лесопарковую зону Москвы, но ненадолго). Но как-то Олег Сулейманов сообщил мне, что ему удалось переселиться с первого этажа на шестой в комнату № 172 к своему земляку — Фриду Сайкину (оба из Усть-Каменогорска — промышленного центра Казахстана). А его прежнее место в комнате № 106 свободно. В ней Олег жил вместе с сыном советника короля Непала. Тот достаточно хорошо говорил по-русски. Стипендия у него была 900 рублей. Что-то он ещё имел через своё посольство. В общем, далеко не бедствовал. В пору моих участвующихся посещений данной «гостиницы» мы с непальцем ночами спорили о том, какая государственная формация лучше, где у людей жизнь краше. Я, основываясь на диалектике развития общества от первобытного строя до наших дней, пытался убедить потомка советника короля маленькой горной страны, живущего в Москве лучше огромного большинства советских студентов, что Человек... и мне сразу вдруг снова вспоминается единство и борьба противоположностей. Монолог Сатина из горьковского Дна: «Человек — это звучит гордо!».

На заводе мы ещё более сблизились с Лёнкой Лариным — высоким белокрысым юношей, об-

ладающим абсолютным слухом. В институт он попал, набрав на экзаменах всего 18 баллов. Когда в учебную неделю на некоторых лекциях у нас возникало нерабочее настроение, то мы с ним, разрисовав лист бумаги со скрипичным ключом с нужными полочками для нот, по очереди записывали фрагменты каких-либо песен. Водящий должен угадать какую песню задумал оппонент. Я угадал только одну песню-загадку. А Лёнька верно «угадывал» все задуманные мной мелодии. У меня не было такого слуха, как у него. Поэтому в выборе мелодий, которые собирался загадывать, я мог использовать только те, которые когда-либо наигрывал. Мне на помощь приходила память пальцев. Я проигрывал пальцами в воздухе (под столом) мелодии, которые ранее наигрывал на пианино. И потом записывал ноты.

... Однажды я заглянул к Лёньке домой. Он жил, кажется, на Красно-Казарменной улице с матерью. Здесь я кого-то видел, не знаю кого, но вроде его мать, прихорашивающуюся перед зеркалом. И мы сразу ушли. Лёнька однажды на заводе сказал мне, что ему кажется, что мы со временем подружиться. Я подумал, что о таких вещах не говорят. В итоге, я подружился с Олегом на заводе и с Женькой в институте. А Лёнька — когда закончилась работа на заводе, стал хорошим согруппником, с которым у меня были ровные прекрасные отношения, как впрочем, у него и со всеми.

Во втором семестре всё шло своим чередом — общественные науки и немецкий язык — я на прежнем уровне, правда, «языковую активность» сбавил, лишь поддерживая уровень, достигнутый в восьмом классе. О tempora o mores. По-прежнему лекции и семинары по математике, которую я особо не запускал, но занимался ею без всякого вдохновения. Спасибо госпоже Раевской.

Продолжение курса общей химии — штудирование учебного пособия Некрасова, военное дело, физкультура. Лыжный кросс на 10 км. Не знаю, живы ли были последствия болезни, но на лыжах я вообще-то и раньше ходил неважно. Секундомер зафиксировал итоговое время — 66 минут. Это ужасно, но я ничуть не огорчился, так как не моё это, хотя и для сибиряка постыдно. В колонне МЭЗа участвовал в первомайской демонстрации. Прошли по шоссе Энтузиастов до «звёзд рубиновых московского Кремля». В кавычках цитирую фрагмент своего стиха, одного из моих первых опусов. Поэтому без подробностей, так как для «поэтических романов» я ещё не созрел.

В конце каждого учебного года в институте происходит конкурс факультетских вечеров. Наш топливный факультет, по меньшей мере, в несколько раз меньше любого другого факультета института по количеству студентов. Но у маленьких своя интеллектуальная гордость. Мы (пахали) каждый год стремились выиграть этот конкурс, несмотря на то, что конкуренты, в первую очередь, Физхим и ИХТ (тот самый спецфак, который кончали мои родители). Нашим ежегодным фирменным блюдом была опера — юмористическая штучка, положенная на арии из известных опер. Автором сценария и режиссёром-постановщиком был студент нашего факультета Эмиль Котлярский — автор ряда стихов, положенных им на музыку (возможно, свою — тогда он ещё и композитор — моё предположение). Первая опера произвела на меня грандиозное впечатление. Её сюжет был пародией на приёмные комиссии разных факультетов, привлекающие к себе абитуриентов. До сих пор помню, как старшекурсник Игорь Членов забрался на стол и исполнил завлекательную арию, прославляющую физико-химический факультет. До Мефисто-

феля он, правда, не дотягивал, но на первокурсника Винца произвёл впечатление.

*На земле один физхим.
Покоряет гордый а-а-а-том.
ИХТ и Силика-а-ты
Ерунда в сравненьи с ним!
Поступайте на физхим,
Поступайте на физхим! И т.д.*

Запомнилась и ария представителя ИХТ. Эту роль исполнял Эдик Бухгалтер — второкурсник нашего факультета (я был первокурсником, но этот фрагмент по ошибке поместил здесь).

*Абитуриент иди на ИХТ
На ИХТ, на ИХТ.
Знай, что только порох и ОВ
Счастье дадут тебе! И т.д.*

Мне опера и вся эта атмосфера вокруг неё запали в душу. Если читатель помнит, что исходную мыслительную посылку в этом направлении в меня заложил Валерий Брюсов, в «опере» которого я увидел ещё до конца не осознанное нечто, сохранённое моим подсознанием. А сознательно я видел продолжение этой оперы в поэме Владимира Маяковского «Ленин». Только в поэме Маяковского я не чувствовал никакого двойного дна. Мне кажется, что поэт был вполне искренен. А в конкурсе вечеров мы победили. После сессии мы все с радостью уволились с завода, так как наша участь для продолжения рабочих недель, по-видимому, была решена (так это запомнилось мне, а на самом деле, возможно, мы и не увольнялись). Лето было неинтересным.

Когда мы явились в институт 1 сентября 1960 года, то узнали, что трудовое воспитание будет продолжено ещё один год.

А в это время, как будто специально под нас, на МЭЗе создано производство кислотоупорных плит и электролизёров. Сначала это была кустарщина.

Однако, технология постепенно, но довольно быстро совершенствовалась.

Примерно полгода мы работали по нижеследующей схеме. Производственная металлическая ёмкость напоминала детскую коляску, только немного повыше. В неё была вмонтирована мешалка с приводом, включаемым в электросеть. Сырьем являлись отходы производства электродов — донельзя измельченная графитовая пыль. Идешь вдоль производственного здания, вдруг возникает дверь с человеческий рост, заходишь в маленькую «клетку», в которую отходная пыль доставляется в отверстие то ли сверху, то ли с боку. Открываешь предварительно захваченный с собой мешок из плотной бумаги. На месте берёшь ведро, затариваешь в него пыль и высыпаешь её в мешок, 3-4 ведра и мешок полон. Респираторы нам не полагались. Как только ведро соприкасается с кучей «нанометровых» частиц пыли «комнатушка» от пола до потолка заполняется чёрным облаком. Вдоволь зачерпывая пыль ртом и носом, мы заполняли 3-4 мешка. Если нам везло, то этого хватало на неделю, но обычно на два дня. Из мешка углеродная пыль засыпалась в ёмкость с мешалкой, в которую заливалась количественно отмеренная смесь фенола с формальдегидом и определённое количество дымящей соляной кислоты в качестве отвердителя. В течение 2-3 часов вся эта смесь перемешивалась с подогревом. Таким образом, подготовленная текучая масса заливалась в специально собираемые нами формы размером 60 см на 20 см, толщиной примерно 7 см. С одной загрузки выходило 6-8 заполненных чёрной массой форм. Их грузили в контейнер. Далее использовался тельфер (подводилось под толком вмонтированное устройство с подъёмным краном, перемещающимся на колёсиках,

расположенных в «буксовой» коробке с обеих сторон цехового помещения). Таким образом, подъёмный кран мог попасть почти в любую точку помещения. Далее один студент (как правило, Олег), нажимая на соответствующие кнопки управляющего устройства, подводит кран с контейнером к печке, с которой предварительно снята крышка размером 3 м на 2 м. В печке 120°C на металлическом дне. Глубина такого параллелепипеда — 1,80 м. Другой студент (как правило, я) лезет в печь, приспосабливает на дне печи контейнер среди ряда его собратьев, отсоединяет трос, давая крану свободу, и вылезает из печи. Освобождённый кран тем же тросом цепляет крышку и, с помощью обоих студентов, закрывает печь, в которой контейнер находится в течение 1-2 суток. После этого он извлекается наружу, формы разбираются, готовая плитка отправляется на склад, а форма промазывается, по всей поверхности герметизируется асбестовой нитью и собирается воедино. Электролизёр из графит-фенол-формальдегидной массы весил 400 кг. Именно столько массы требовалось загрузить в соответствующую форму. Для этого одновременно запускались две ёмкости с мешалками. К счастью, это случалось не так часто.

Через 3-4 месяца закончились наши походы «в выгребную яму» за сырьем. Была «построена» система для реакционной массы, примерно в 10 раз по объему превосходящая прежний агрегат с мешалкой. К ней подведён шнек, по которому автоматически подавалась электродная пыль. Автоматически загружались и другие ингредиенты. Но, за предыдущие 3-4 месяца наши лёгкие уже надолго почернели.

... Нам выдавали робу, в состав которой входили ежедневно сменяемые нижнее белье и полотенца, а также один раз в год комбинезон с ботинками. Примерно

через несколько дней на робу налипала графит-фенол-формальдегидная масса так, что вес комбинезона быстро увеличился до определённого состояния равновесия, то есть, сколько прилипало, столько и отлипало. Возможно, я таскал наиболее тяжёлый приплод, чем другие ребята, но несущественно. С самого начала мы сдали экзамены на загрузчика-выгрузчика IV разряда и нам установили зарплату в 1500 рублей в месяц.

... В наше рабочее помещение иногда заглядывали заводские рабочие, но очень быстро они убегали восвояси. Говорили, что дышать невозможно. Зато нам хорошо платили — вдвое больше, чем за работу в насосной. Столько я не зарабатывал на рабочем месте вплоть до защиты диссертации на присвоение степени кандидата химических наук».

... Шёл третий семестр. Постепенно я почти полностью перебазировался в общежитие, проводя дома только выходные. Сначала ночевал там, где придётся. Но вскоре всё для меня разрешилось очень удачно. В комнате № 135 проживали только два человека — Коля Стрыков и китаец, имя которого я, к сожалению, забыл. Так как китаец всё-таки был иностранцем, то им оставили привилегию — жить вдвоём. Но третья кровать «присутствовала». Коля предложил мне, с согласия китайского соседа, переезжать к ним, что я с удовольствием и благодарностью сделал.

От № 135 до № 125 было ровно пять шагов, и едва придя к себе и с ходу побросав свои вещи, я делал эти пять шагов, оставаясь в 125-й. Там было весело и интересно. Мы предъявляли свои интеллекты и познавали интеллекты окружающих. Чуть позже также постоянным посетителем № 125 стал Олег. По интеллекту мы быстро сошлись с Евгением. Кстати, я узнал, что Женя и Коля

Сенин были активными участниками труппы в школьном театре, причём, Женя играл помещика в пьесе, кажется, Чехова, а Коля — его лакея. Женя как-то симитировал образ своего героя, надев симпатичный тёмный костюм и наклеив аккуратненькие усики — небольшие и плотно прилегающие к губе. Мне сей образ понравился. «В нём» Женя выглядел даже красивее.

... Первоначально основными сферами наших взаимных интересов стали футбол, театр и чуть позднее (в следующем году) посещения консерватории. Ещё живя в Хабаровске, Женя сочувствовал «Спартаку», но не настолько, чтобы быть «страждущим» болельщиком. Когда я увлёк его футболом, он уже не мог болеть за «Спартак», потому что за него болел я. «Если один из них говорил — нет, то да — говорил другой». Наше общение, как правило, состояло из постоянных споров в широком диапазоне действительности, ума или глупости. Например, в качестве глупейшего спора приведу дилемму: чья мама культурнее. Мы до хрипоты сыпали «доказательствами», хотя и были незнакомы с мамами друг друга. Футбол — благодатнейшая тема для споров. Как раз в это время зарождалась новая и очень привлекательная команда «Торпедо» во главе с суперполусащитой в лице Валерия Воронина и Николая Маношина. У торпедовской команды уже тогда, впервые в отечественном футболе, начал «проклёвываться» не стандартный и очень привлекательный почерк. Правда, «Торпедо» сороковых годов уже было знаменательно тем, что в его рядах играл замечательный центрфорвард Пономарёв, но «единица — вздор, единица — ноль. Голос единицы тоньше писка. Кто его услышит? Разве жена. Да и то если не на базаре, а близко». А вот, если в команду сгрудились малые... и Женя, в самом деле,

заболел футболом, особенно, если я был рядом, а в ту пору я рядом был всегда (в учебную неделю, разумеется). Мы притязательно спорили о привлекательности стилей, игровых качествах соперников. В общем, вариация темы: чья мама культурнее, только с необозримыми доводами. Из театральных постановок мы предпочитали преимущественно оперетты. Начали с моей любимой оперетты «Принцесса цирка» с Яроном, Шмыгой, Каширским. Затем были «Сильва», «Летучая мышь», «Поцелуй Чаниты», «Вольный ветер» и пр. В общем, создается впечатление, что «Все мы театралы, спешим чуть вечер в залы». На самом деле, эти «подвиги» мы совершали на протяжении 1960-1962 годов, так что не так уж и часто. А вот в консерватории мы «завели» абонементы и, как правило, на рысках преодолевали расстояние от гостиницы Москва до консерватории на улице Герцена — очень занятые были молодые люди. Но в рабочую неделю мы часто расставались (например, если не совпадали смены). Но «рабочими» перипетиями делились. Так, Женя рассказывал, что на работе в «ящике» № 40-19 он на спор после обеда выпил 5 бутылок спецмолока, кажется, с целым батоном хлеба. На МЭЗе тоже было спецмолоко. Мы зачастую обедали молоком с жареными в кипящем масле пирожками с повидлом — в текущем году по 50 копеек, в следующее году — по 5 копеек. Объединение. А столовой на заводе не было. Только буфет.

Следует отметить, что во всех этих «развлечениях», в том числе и в походах на футбольные матчи, совершенно не участвовал Олег, который постепенно разбавил наш дуумвират, преобразовавшийся в триумвират, причём в текущем году началось это превращение с того, что мы с Олегом «ели один хлеб» на заводе. Ведь с работы и на работу мы ездили вместе по маршруту

— метро Сокол — метро Сталинская (Семёновская) — трамвай — МЭЗ и в обратном направлении. В общем, началось с того, что с Олегом мне было очень удобно трудиться на заводе. А Лёнька и Коля Сенин в случае разных авралов выходили на работу вместе с нами. Но чаще они трудились в другую смену. Явку на третью смену обеспечивали рабочие. Естественно, смены чередовались.

В текущем году я всё-таки иногда находил время для посещения шахматной секции в МХТИ. Наш институт из лона сильнейших шахматных вузов вылетел. Но у меня сменился объект для почти безмолвного любования (обожания). Практически полное отсутствие общения с девочками в течение первой школьной пятилетки сказывается? У нас появилась сильная шахматная девушка — Марина Бронникова — красивая брюнетка с ярко-синими глазами. Ей было 17 лет, и в текущем году она поступила в МХТИ, будучи действующей чемпионкой Москвы среди девушек. В блицпартиях (по 5 мин каждому) она меня выносила, громко (синоним — уверенно — со знаком псевдо или нет?) постукивая фигурами. По ходу блица я чувствовал, что глубже понимаю шахматы, чем Марина, но мат получал почти регулярно. Правда, в двух «лёгких» партиях, в виде исключения сыгранных без часов, победу праздновал я, что совпадало с моими ощущениями. Начиная с 4-го семестра, наши дороги с Мариной больше не пересекались. Последняя наша встреча в МХТИ состоялась в деканате после двухгодичного перерыва. Я тогда был на четвёртом курсе и занимал общественную должность председателя академической комиссии, т.е., от имени общественности отвечал за успеваемость студентов нашего факультета. Марина пришла за какими-то недостающими документами.

Она перевелась в МАИ, команда которого сохранила своё место среди сильнейших шахматных вузов Москвы. Там её приняли с распростёртыми объятиями, практически обеспечив беспхлопотное прохождение по скрижалям академики.

12 апреля 1961 года в космос успешно отправлен первый человек, наш соотечественник Юрий Гагарин. Я в своей жизни с детства участвовал в очень многих демонстрациях 1 мая и 7 ноября, постепенно осознавая их неестественность. Для многих это просто был повод выпить, особенно, 7 ноября. Но 12 апреля было настоящее торжество с истинным не наигранным весельем. Глаза людей светились, вот оно — счастье. 4 октября 1957 года вместе с 12 апреля 1961 года серьёзно укрепили мою веру в светлое будущее, и что роль Данко будет играть моя страна. Она уже не подросток, а «твори, выдумывай, пробуй», действует и в настоящее время в полном объёме. Правильным путём идём, товарищи! Как следствие этой правильности, мы въезжаем в новую отдельную двухкомнатную квартиру на улице Дзержинского, дом 14, кв. 54 с окнами на восток и юг и видом из торцевого окна на излучину Москва-реки. Между домом и рекой только кукурузное поле. А вдали видны останки церквушки, в которой по преданиям где-то спрятана библиотека Ивана IV Грозного.

А в это время я жил в основном в студгородке на Соколе и почти всё время, свободное от посещения МХТИ, проводил в комнате № 125 шестого корпуса.

Средне сдана четвёртая сессия. И грянуло незабываемое лето. После первого курса вторая половина (наши сменщики на производстве) группы пошли в длительный турпоход. Для того, чтобы было веселей, Оля Кабанова — наша графиня (слышал, что предки были графами, но не уточнял, так как не при-

давал этому никакого значения) взяла с собой аккордеон, на котором она, с моей точки зрения, прилично играла. (Поправка — Оля ходила с аккордеоном в наш карельский поход, а не в Карпаты). А вот в этом году созрели мы. Был задуман грандиозный маршрут по Карпатам с последующим переездом в Крым. Для проведения длительного похода требовались относительно небольшие деньги, чтобы пройти 20 дней по Карпатам и 15 дней по Крыму. Мы решили организовать агитпоход, подготовив лекцию о международном положении (Евгений) и концерт (практически, вся группа). За это предполагалось оплатить нам дорогу ж.д. транспортом. Москва — Львов — Ясиня, Ужгород — Симферополь и Севастополь — Москва.

Нас было 13. Начальником похода мы выбрали Олега, зная его везде проходные качества, пролезть в игольчатое ушко, если потребуется. Впрочем, 80% этих качеств мне не нравились и всеми фибрами вытравлялись до конца наших студенческих золотых времён. Частично мне помогал Женя, но иногда они с Олегом меня загадочно разыгрывали, якобы отправляясь «по женщинам». Я же знал, что Женю с первого курса интересовала только Ирина. А с полигамией Олега я боролся и, по-моему, успешно, по крайней мере, в Москве.

Куратором нашей группы в

институте был старшекурсник Володя Кудряшов. Ещё весной прошлого года мы участвовали в туристической жизни института, в частности, ходили в турпоходы по Подмоскovie, перелезали на карабинах через реки и овраги, выступали в соревнованиях по ориентированию, в заключение которых нужно было поставить палатку. Как только команда занимала место около поставленной ею палатке, так фиксировалось затраченное время во всём маршруте. Володя всегда был с нами в этих походах. Кстати, петушкинцы реже участвовали в означенных предприятиях. Они в выходные чаще спешили домой. Но некоторые москвичи и дальние иногородние не пропускали таких походов, в которых Володя, как правило, бывал со своей девушкой — Светой Музман. Позже они поженились, но потом развелись. Когда наши пути снова пересеклись, он был женат уже до самого конца на Наташе Михайленко и вошел навсегда в состав нашей группы.

ИВ — Этот и другие походы заложили любовь к здоровому отдыху на природе, в котором участвовали несколько десятилетий упомянутые выше персонажи и их потомство (см. фото)

О том, как Виктор Винц смог применить в своей профессиональной деятельности, полученные в МХТИ знания, читайте на стр. 34-36.

У ИСТОКОВ СИБУРА

Корпоративный деловой журнал «СИБУР сегодня», № 7 за 2009 г.

На первый взгляд может показаться странным то, что Виктор Владимирович Винц работает всего лишь в должности эксперта в сибуровском отделе НИОКР. Однако так не считает Винц: «Я счастливый человек, так как всю жизнь занимаюсь любимым делом».

Автор: Елена РАЗИНА

Легенда советской еще нефтехимической отрасли, изобретатель как минимум двух новых химических реакций, обладатель порядка двадцати патентов и ряда отраслевых наград, заслуги перед СИБУРОм Винц также имеет особые: он был одним из нескольких (реально — трех-четырех) вдохновителей и разработчиков схемы взаимодействия предприятий компании. Именно эта схема первой команды менеджеров СИБУРа была реализована, что позволило развиваться компании как единому целому.

В современном СИБУРе Вик-

тор Владимирович стремится максимально использовать потенциал отечественной отраслевой и академической науки на благо родной компании в улучшении действующих технологий и разработке целого ряда перспективных проектов.

— Фамилия Винц немецкая, хотя немцев в роду моем нет, — рассказывает Виктор Владимирович. Прапрапрадеда собирались забрать в солдаты на 25 лет, и он бежал в Германию. Там изменил фамилию, а потом он или его потомки как-то снова вернулись в Россию. Родители же мои были советскими специалистами по ракетным технологиям и занимали крупные должности в этой отрасли. Может быть, глядя на их перипетии, из детства еще взял я эту решимость никогда не раздваиваться и сделать выбор между административной карьерой и дорогой ученого, далее переквалифицировавшегося в эксперта.

Судьба молодого Винца была predetermined — с пеленок ползая между чертежами и бумагами с химическими формулами, он должен был идти в МХТИ им. Менделеева. Но еще до того, как «заболеть» химией, он погрузился в другую страсть.

— Первой моей страстью были шахматы, — вспоминает он. Сразу после окончания вуза я уверенно шел на мастера спорта, играл по 6-7 серьезных турниров в год. Совмещал шахматы и жизнь во ВНИИ-нефти, в отделе новых технологических процессов. И в 1967 году решил: если мастером не стану — брошу шахматы. Подспудно я, очевидно, понимал, что две эти вещи — химию и шахматы — по-настоящему в жизни не совместить.

В 1983 году Винц стал старшим научным сотрудником ЦНИИТЭ-нефтехим. Это трудное решение

оказалось судьбоносным. После академических мечтаний о внедрении научных разработок появились конкретные дела с промышленными предприятиями. Уже в 1983 году Винц заключил договор о творческом содружестве на общественных началах с представителями Кременчугского НПЗ. В частности, с использованием экспериментальной базы ИХФ АН СССР Винц совместно с сотрудниками этого института осуществил защищенную авторским свидетельством разработку, позволившую в полтора раза сократить расход фурфурола в производстве масел на Кременчугском НПЗ. Это приносило заводу экономии около 1 млн советских руб. в год.

Но основной вехой в ЦНИИТЭ-нефтехимической деятельности Винца было внедрение нового растворителя N-метил-2-пирролидона в производстве смазочных масел вместо экологически вредного фенола, который в Союзе использовали на большинстве установок селективной очистки масел.

Сколько крови попортил себе Винц, чтобы эту идею пробить! Ездил по заводам, изучал западный опыт, писал министрам Миннефтехимпрома (во второй половине 80-х годов министры менялись неоднократно). «Давая анализ западной литературы (в том числе закрытой), я показывал: производительность по смазочным маслам СССР можно увеличить с 8 до 9 млн тонн, если мы только меняем фенол на (N-метил-2-пирролидон». Было много партийных игр: одни начальники спускали его записки на тормозах, другие поднимали на щит. Дело шло чрезвычайно медленно. А нужно сказать, что занимался всем этим Винц, работая в сугубо «бумажном» институте — информации и технико-экономических исследова-

ний. Горы отчетов, отраслевые семинары — сиди себе, получай зарплату. «Да это и не от института зависело, — полагает Винц. Те, кто практикой занимались, тоже имели жизненную философию, отличную от моей. Дескать, да, мы производим гадость, но будем эту гадость улучшать на полпроцента в год в массовом производстве (!) и за это получать свои премии. А пока они живут на свои полпроцента, мир уходит вперед на века».

Тем не менее, непосредственный выход на Ново-Уфимский НПЗ решил проблему. В 1990 году в ходе капитального ремонта завод на одной из установок селективной очистки масел перешел с фенола на N-метил-2-пирролидон, что существенно (особенно после последующей замены фенола и на других установках) улучшило экологическую обстановку на заводе и в городе. Следующими этапами были Рязань и Новокуйбышевск, на НПЗ которых Винц участвовал во внедрении нового растворителя. В частности, для Новокуйбышевского НПЗ разрабатывал аналитические методики и отвечал за аналитический контроль во время пуска новой лицензионной установки селективной очистки масляного сырья. Консультативное участие принимал Винц и в организации внедрения N-метил-2-пирролидона в Омске и Ярославле.

Химическое разоружение

В самом начале своей карьеры Винц понял, что его дело, которое к нему льнет, которое он чувствует кончиками пальцев, — эксперимент. «Сколько раз было — в каком-нибудь новом процессе всю методику эксперимента пропишу, инженеров обучу, в конце концов возвращаюсь из командировки домой — звонят, без меня ничего не получается. Это как у одной хозяйки пироги ладятся, а у другой — нет».

До этого дела с N-метил-2-пирролидоном и рядом других процессов нефтепереработки, сделавших ему паблисити в кругах химиков, у него уже было несколько открытий. Они и по сей день имеют только теоретическое значение. Были эксперименты, связанные с поглощением сероводорода из попутных нефтяных газов. Выделял Винц его по-новому — окисями этилена и пропилена.

На основе этих исследований было открытие новой химической реакции получения новых окисей олефинов (дали медали ВДНХ, но по-настоящему эти окиси производить не начали). И наконец, было открытие, которое действительно должно было перевернуть многое: Винц в составе небольшой группы товарищей во главе с академиком Н.М. Эмануэлем научились производить полупродукт в производстве иприта — одного из основных типов химического оружия СССР. Причем разработаны были такие каталитические методики синтеза, что можно было произвести большие количества отравляющих веществ и сколь угодно быстро. Государство же и в мирные 70-е годы прошлого века производило и самым неэкономным образом берегло колоссальные количества иприта. За предложение вообще не запасать на складах иприт группа разработчиков получила премию президиума Академии наук. Иприт же в Советском Союзе как производили, так и продолжали производить до подписания конвенции о его запрете.

Как начинался СИБУР

Никогда не гнавшийся за руководящими должностями, в первой половине 90-х Винц все же стал начальником одной из лабораторий ЦНИИТЭнефтехим — как сам говорит, вынужденно, потому что бюджетных денег практически не стало и нужно было зарабатывать са-

мим. С 1993 года лаборатория держалась на оказании информационных услуг различным организациям и разработке старой темы N-метил-2-пирролидона. А в 1994 году произошло событие, которое привело в конце концов к образованию СИБУРа — точнее, изначально скрестившее пути его создателей. Событие заключалось в том, что более чем в пять раз подорожал попутный нефтяной газ.

— «Сибнефтегазпереработка» стала иметь тогда большие проблемы, — рассказывает Винц. Нужно было приступать к глубокой переработке попутного газа, то есть заняться темой ШФЛУ — не продавать ШФЛУ по фиксированной государственной цене, а перерабатывать на нефтехимических заводах. Но как? И СНГП обратилась к нашему институту за помощью.

Лаборатория должна была придумать, куда девать 3 млн тонн ШФЛУ. Первым делом Винц подумал о предприятиях в Тобольске и Татарстане, подготовил аналитический материал и отправил его для обсуждения в СНГП.

— Я ждал дискуссии по этому материалу, поскольку материал был крайне дискуссионный. Но дискуссии не последовало. В марте 1995 года в моем кабинете появляется вице-президент СИБУРа Владимир Байбурский. Говорит, что создан СИБУР, все права по договору СНГП с нашим институтом переданы СИБУРу, а после завершения работы по договору приглашает, собственно, перейти в СИБУР на работу.

— Вся компания была — человек тридцать вместе с водителями. Президентом был В.А. Астахов, но истинным вдохновителем — Владимир Байбурский. Еще вместе с одним сотрудником — Б.В. Яковлевым мы собирались втроем и оценивали эффективность переработки ШФЛУ на последовательно воз-

никающей (пока только в наших головах) цепочке нефтехимических предприятий. Это было «чистое творчество», поскольку, хотя мы и учитывали рыночные цены на сырье и продукты и оценивали стоимость переработки, исходя из добытых нами источников (часто из обширного справочно-информационного фонда ЦНИИТЭнефтехим), но решений по вопросам собственности у нас не было даже приблизительно. Поэтому наряду с расчетами мы вели активные переговоры о вхождении в СИБУР с предприятиями, попавшими в наше поле зрения. Эти переговоры, как правило, с руководителями предприятий были успешными, но на большинстве из них сидел «свой» хозяйчик, препятствующий положительному развитию переговоров.

Многомесячная работа по составлению схемы велась, что называется, днем и ночью. Рисовали на чистом листе бумаги, продумывая малейшие технологические нюансы, иногда позволяющие пустить тот или другой завод с дополнением к традиционной технологии.

— ЦНИИТЭнефтехим, в котором я работал до СИБУРа, — это было золотое дно в плане справочных материалов, — гордится Винц. В постсоветское время модным способом выживания ряда институтов была сдача части помещений в аренду. При этом отечественная и зарубежная периодика, справочные материалы и техническая литература выбрасывались и вывозились на свалку. Здесь мне удалось спасти некоторые книги и журналы, а также отчетные формы деятельности ряда заводов России и СНГ. Докупал кое-какую информацию. В итоге у меня были основные коэффициенты по выработке почти всей нефтехимической продукции России и СНГ.

К весне 1998 года схема СИБУРа была создана и расчетно протестирована. Это была прак-

тически та же схема, которая, по словам Винца, близка к сегодняшней. В ней не было Кемерово — завод появился на следующем этапе жизни компании, но был Новополюцкий завод «Полимир» и Ярославский «СК-Премьер», с которыми позже холдинг перешел на схемы кооперации. Однако сама по себе, без решения вопросов собственности, заработать схема не могла, и этот вопрос решила следующая команда менеджеров во главе с Яковом Голдовским.

После покупки СИБУРа и прихода его команды нам пришлось уйти — с 1999 по 2002 год пришлось сделать перерыв в истории отношений с СИБУРом.

В это время Винц занимался экспериментальными разработками с рядом институтов и компаний, а в 2001 году, будучи сотрудником компании «Синтез», по ее поручению организовал вхождение в нефтехимию Башкирии: компания перерабатывала нефть на башкирских заводах.

Зато после возвращения началось то, что так любит Винц — реальная жизнь родной компании, в которой иногда находилось место и эксперименту. В 2003 году в СИБУРе был создан департамент развития и НИОКР. За пять прошедших с тех пор лет Винц курировал более 30 различных научно-исследовательских разработок. Вообще-то Винцу импонируют люди компании, болеющие за ее эффективность и перспективу, независимо от имен и занимаемых должностей. Люди, которым интересен процесс, дело, будущее СИБУРа. Его боль — сокращение финансирования НИОКР.

— Кризис кризисом, но о развитии не нужно забывать! — восклицает Винц.

Душа болит за то, чему воплотиться, может быть, не суждено: в связи с кризисом реализация некоторых из проектов оказалась под вопросом.

Но все-таки есть проекты, которые реализуются, когда на это даже и не надеешься.

Некоторые проекты, курируемые Виктором Винцем:

- Переработка этана на ЭП 60 в ЗАО «Сибур-Химпром» в условиях отсутствия специализированных печей пиролиза этана.

- Расширение сырьевой базы пиролиза углеводородов за счет использования ШФЛУ, а также пентановой фракции — нетрадиционного сырья пиролиза.

- Разработка мероприятий в системе газоразделения для выделения 60 тыс. т/г товарного этилена.

- Организация производства полиуретанов в компании (впервые в России без сырьевого импорта).

- Организация производства нефтеполимерных смол (НПС) нового поколения на базе побочных продуктов холдинга.

- Организация производства ДЦПД-мономера и катализатора его полимеризации для производства полидициклопентадиена (ПолиДЦПД) непосредственно у потребителя.

- Дополнительное получение бензола методом однопроводной ароматизации сжиженных углеводородных газов — основного сырья холдинга для нефтехимии.

- Разработка способа синтеза изонитролового спирта и диизонитрофталата (пластификатора ПВХ).

- Разработка новой схемы получения бензола на «Уралоргсинтезе».

Награды В.В. Винца

1. Бронзовая медаль № 29682. Постановление от 25-IX 1973 г. № 343-Н

2. Орден "За заслуги перед химической индустрией России" I степени № 106. Вручен на конференции химиков России В.П. Ивановым - Президентом Российского Союза химиков.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ХИМИИ 2025 Г.

Максим Брюякин магистрант кафедры ИМ и ЗК, гр. МТ-13

Введение

Металлорганические каркасы (МОК) — класс пористых кристаллических координационных полимеров, образованных в результате самоорганизации ионов или кластеров металлов с полидентатными органическими лигандами в трёхмерные открытые структуры с периодичной системой полостей и каналов. Наиболее ценной для практического применения характеристикой данных материалов является высокая удельная площадь внутренней поверхности, достигающая тысяч квадратных метров на грамм. Площадь поверхности нескольких граммов одного из МОК (MOF-5) сопоставима с площадью футбольного поля [1]. Эта уникальная особенность в сочетании с контролируемой пористостью обеспечивает высокую эффективность МОК в процессах адсорбции и хранения газов (водород, метан), сепарации смесей, катализа, улавливания CO_2 , а также в биомедицинских приложениях, таких как целевая доставка лекарств [2,3,4,5,6,7].

Исторически концепция конструирования координационных каркасов из металлов и органических связующих обсуждалась научным сообществом, однако ранние аналоги подобных структур отличались низкой стабильностью и теряли пористость при удалении «гостевых» молекул

[8]. «Гостевая» молекула — это молекула, которая находится внутри пор МОК, но не является частью его каркаса. Решающий прорыв произошел в 1999 году с публикацией работы по синтезу MOF-5 Омаром Яги, который стал первым примером термически и химически устойчивого каркаса, сохранявшего структурную целостность и высокую пористость после десорбции и нагрева [1]. Это достижение заложило основы ретикулярной химии.

В 2025 году Нобелевская премия по химии была присуждена Сусуму Китагаве, Ричарду Робсону и Омару М. Яги за развитие данного направления [1]. Ричард Робсон разработал теоретические принципы дизайна координационных полимеров. Сусуму Китагава экспериментально открыл и исследовал класс гибких, «дышащих» МОК, способных к обратимым структурным перестройкам при адсорбции. Омар М. Яги реализовал эти принципы на практике, синтезировав эталонный высокопористый и стабильный MOF-5, что послужило толчком для экспоненциального роста исследований в области МОК. [8] Согласно формулировке Нобелевского комитета, их работы предоставили химикам инструмент для создания материалов с программируемой пористостью и функциональностью.

Функциональные свойства МОК определяются их уникальной структурой. Высокая удельная поверхность и пористость являются прямым следствием строго регулярной каркасной архитектуры. Тонкая настройка свойств, такая как размер пор, их химическая среда и селективность, достигается путём варьирования природы металлических кластеров, а также длины, геометрии и функциональных групп органических линкеров. Отдельный класс гибких МОК, или «мягких пористых кристаллов», обладает способностью к обратимым структурным трансформациям под внешним воздействием (давление, температура, сорбция), что расширяет возможности их применения в качестве умных материалов и сенсоров.

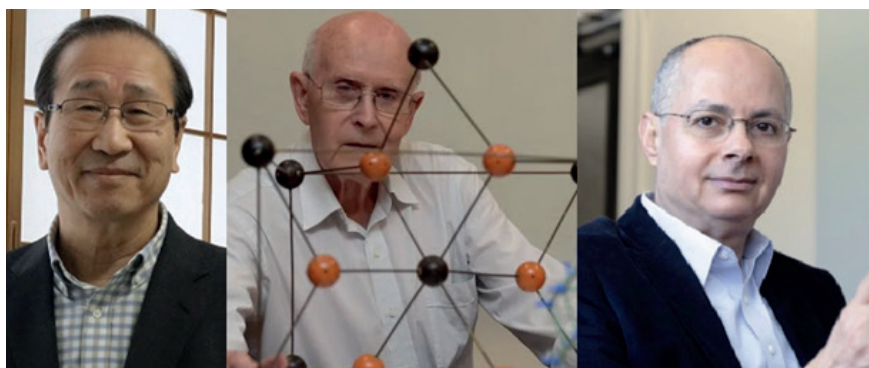
Направления развития

Благодаря своим свойствам МОК перспективны в самых разных областях

В обзорной статье [2] 2024 года показано, что МОК сохраняют высокую адсорбционную ёмкость водорода при низких температурах и могут быть дополнительно оптимизированы для повышения практической применимости, для хранения и разделения газов. (Рисунок 2)

Авторы статьи убеждены, что МОК решит проблему с безопасным хранением и транспортировкой водорода, что сделает водород более конкурентоспособным по сравнению с ископаемым топливом.

Известны разработки МОК в области хранения и разделения газа, с упором на хранение и улавливание энергии и углеродно-нейтральных сопутствующих газов, а также на процессы разделения, такие как промышленно важные легкие углеводороды. Однако несмотря на до

Сусуми Китагава, Ричард Робсон, Омар М. Яги

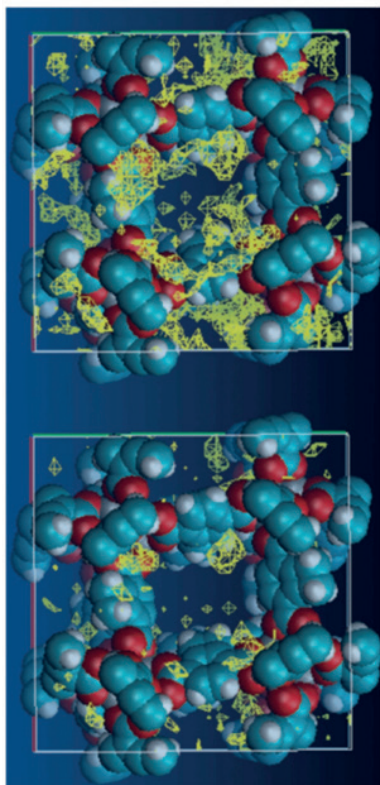

Рисунок 2 - Пространственное распределение внутри МОК (IRMOF-6) при 200 К: голубой – С, красный – О, серый – Zn, а белый – Н.

стигнутый огромный прогресс, промышленное применение адсорбентов на основе МОК для хранения и разделения газов все еще находится на лабораторной стадии. Тонкая настройка формы и размера пор неотработана. Форма и размер пор пористы МОК играют решающую роль в селективной адсорбции и разделении. Отсутствие более глубокого понимания конструкции формы пор и гибкой структуры затрудняет достижение произвольного контроля размера пор [3]. Для задач улавливания CO_2 уже разработаны схемы процесса улавливания [4].

Обсуждается [5] применение материалов MOF для очистки сточных вод (например, удаление антибиотиков, органических красителей, ионов тяжелых металлов и сельскохозяйственных отходов).

МОК могут найти своё применение и в медицине. Благодаря своим свойствам МОК позво-

ляют инкубировать (инкапсулировать) лекарства, повышая их стабильность и растворимость, а также обеспечивают контролируемое высвобождение (постепенный, нацеленное высвобождение), что повышает эффективность терапии и снижает побочные эффекты [6].

Однако существует ряд вызовов: биосовместимость, стабильность в физиологических средах, токсичность, масштабирование производства и воспроизводимость качества, а также контролю над кинетикой высвобождения лекарств.

Необходим тщательный подбор металлов и лигандов, чтобы минимизировать токсичность; важно учитывать, как MOF действует и разрушается в организме, как выводятся остатки.

Российские реалии

В России существует развивающееся сообщество исследователей по МОК: обзорные статьи и рецензии российских авторов суммируют текущие темы. В 2020-х наблюдается рост публикаций российских коллективов в этой области и включение МОК в тематические конкурсы и проекты [8]. Однако основные прорывы в этой области происходят в Японии и США.

Международные данные показывают, что доля расходов на науку и исследования у России в последние годы сохраняется на уровне порядка ~0.9–1.1 % ВВП (в зависимости от года и методики), что ниже показателей ведущих научно-технологических стран (Япония, США, страны ЕС). [9]

В аналитическом докладе Российской академии наук от 28 мая 2025 года о реализации государственной научно-технологической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях российских учёных отмечается следующая ситуация. Численность учёных в России, относительно

всех занятых в экономике в три раза меньше, чем в ведущих странах мира. С 1990 года общая численность исследователей сократилась на 65,8 %. При этом 24 % всех российских учёных достигли возраста 60 лет и старше. Расходы на науку в России составляют около 1 % ВВП, однако в абсолютном выражении они в четыре раза меньше, чем в Японии, в 15 раз меньше, чем в Китае, и в 17 раз меньше, чем в США. За последние десять лет данный показатель увеличился в США в 2,03 раза, в Китае — в 2,48 раза, а в России — всего в 1,45 раза. В 2024 году гранты на обновление исследовательской инфраструктуры и научных приборов получили лишь 6,5 % всех исследовательских организаций [10].

Доля научных работников в экономике СССР была выше, чем в большинстве современных стран [11]. В советский период с 1955 по 1985 среди нобелевских лауреатов по химии выделяется выдающийся советский химик Николай Семёнов (Нобель по химии 1956, совместно с Б. Хиншельвудом — за исследования в области кинетики и механизма химических реакций) [12]. Когда как в постсоветский период с 1995 по 2025: по официальным реестрам Нобелевского фонда российские учёные как штатные сотрудники российских институтов практически не получали Нобелевскую премию по химии в 1995–2025 (в большинстве случаев лауреаты этого периода представляют США, Японию, страны ЕС; отдельные лауреаты российского происхождения в разных дисциплинах имеют сложную биографию и были связаны с иностранными институтами на момент награждения) [13].

Заключение

Металлорганические каркасы представляют собой уникальный класс гибридных пористых материалов, чьи свойства — ре-

кордная удельная поверхность, регулируемая пористость и возможность тонкой химической функционализации — определяют их значительный фундаментальный и прикладной потенциал. Как демонстрируют исследования, МОК открывают перспективы для создания технологий нового поколения в критически важных областях: энергетике (хранение водорода и метана), экологии (улавливание CO₂, очистка сред), разделении веществ и биомедицине (контролируемая доставка лекарств). Присуждение Нобелевской премии по химии 2025 года за развитие данного направления подчеркивает его революционный характер и трансформационную роль в современной материаловедении.

Однако переход от лабораторных достижений к широкому промышленному и клиническому применению сопряжен с комплексом нерешённых задач. Ключевыми вызовами остаются оптимизация стабильности материалов в рабочих условиях, достижение воспроизводимого контроля над морфологией и размером пор, а также решение вопросов биосовместимости, токсикологического профиля и масштабирования синтеза. В контексте российской науки, несмотря на наличие компетентного исследовательского сообщества и рост публикационной активности, наблюдаются системные ограничения. Они связаны с относительным сокращением финансирования науки в долях ВВП, старением кадрового состава и отставанием в обновлении исследовательской инфраструктуры по сравнению с ведущими научными державами, что в целом коррелирует с отсутствием российских лауреатов в реестрах Нобелевских премий последних десятилетий.

Таким образом, будущее технологий на основе МОК зависит от успешного преодоления технологических барьеров на пути

их коммерциализации, а также от формирования устойчивой научно-технической политики, способной обеспечить конкурентоспособные условия для проведения как фундаментальных, так и прикладных исследований мирового уровня.

Литература

1. The 2025 chemistry prize – MOFs – molecular structures // NobelPrize.org. URL: <https://www.nobelprize.org/the-2025-chemistry-prize-mofs-molecular-structures/> (дата обращения: 04.12.2025).
2. Yuvaraj A.R., Jayarama A., Sharma D., Nagarkar S.S., Duttagupta S.P., Pinto R. Role of metal-organic framework in hydrogen gas storage: A critical review // International Journal of Hydrogen Energy. — 2024. — Vol. 59, no. 24. — P. 1434–1458.
3. Zhao Y., Li X., Chen G., Zhang L., Xu C. Progress and potential of metal-organic frameworks (MOFs) for gas storage and separation: a review // Journal of CO₂ Utilization. — 2022. — Vol. 60. — P. 101993.
4. Khan I., Saeed A., Zeb A., Ullah R. A critical review on potential applications of Metal-Organic Frameworks (MOFs) in adsorptive carbon capture technologies // Applied Thermal Engineering. — 2024. — Vol. 226. — P. 120303.
5. Kaur H., Devi N., Siwal S. S., Alsanie W. F., Thakur M. K., Thakur V. K. Metal-Organic Framework-Based Materials for Wastewater Treatment: Superior Adsorbent Materials for the Removal of Hazardous Pollutants // ACS Omega. — 2023. — Vol. 8, no. 10. — P. 9004–9030.
6. Khafaga D. S. R., [и др.] Metal-Organic Frameworks in Drug Delivery // RSC Advances. — 2024.
7. Robinson, J. How the pioneers of metal-organic frameworks won the Nobel Prize // Chemistry World. — 08.10.2025. — URL: [https://www.chemistryworld.com/features/how-the-pioneers-of-](https://www.chemistryworld.com/features/how-the-pioneers-of-metal-organic-frameworks-won-the-nobel-prize/)

[metal-organic-frameworks-won-the-nobel-prize/4022318.article](https://www.chemistryworld.com/features/how-the-pioneers-of-metal-organic-frameworks-won-the-nobel-prize/) (дата обращения: 05.12.2025).

8. Agafonov, M.A., Alexandrov, E.V., Artyukhova, N.A., Bekmukhamedov, G.E., Blatov, V.A. и др. (2022). Metal-Organic Frameworks in Russia: From the Synthesis and Structure to Functional Properties and Materials. Journal of Structural Chemistry, 63(5)
9. WIPO. (2025). Russian Federation ranking in the Global Innovation Index 2025. Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/edocs/gii-ranking/2025/ru.pdf> (дата обращения: 05.12.2025)
10. Аналитический доклад о реализации государственной научно-технологической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учёными (основные положения) / Российская академия наук. — Москва, 2025. — 36 с. — Режим доступа: <https://new.ras.ru/upload/iblock/c59/15zqncmtrn1r5gxxgens421uj5uhav98.pdf> Дата обращения: 05.12.2025.
11. Schneider, C. M. Research and Development: From the Soviet Union to Russia. — Heidelberg: Physica-Verlag / Springer-Verlag, 1994. — 274 p.
12. All Nobel Prizes in Chemistry [Электронный ресурс]. — NobelPrize.org. — Режим доступа: <https://www.nobelprize.org/prizes/lists/all-nobel-prizes-in-chemistry/1959-1950/> (дата обращения: 05.12.2025).
13. Nobel Prize in Chemistry 2025 [Электронный ресурс]. — NobelPrize.org. — Режим доступа: <https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/2025/summary/> (дата обращения: 05.12.2025).

УШЕЛ НАШ ДРУГ, ОСТАВИВ НАМ ЗАБОТЫ...

Памяти Александра Семеновича Тимонина

**А.П. Жуков,
Центр истории РХТУ**

Александр Семенович Тимонин — человек из отдельной дивизии друзей Менделеевки. Один из тех, кто перечитал все 63 выпуска нашего «Исторического вестника». Профессор, заслуженный изобретатель СССР, гордость МИХМа как студент, преподаватель, активный участник всех добрых начинаний славного в истории химико-технологического образования втуза (механический факультет МХТИ им. Д.И. Менделеева, МИИХМ, МИХМ, МГУИЭ...). Сожалел, что в начале XXI века не удалось исправить ошибку наших предшественников, разделивших в начале 1930-х МХТИ на технологов и механиков, что не принесло пользы химико-технологическому образованию.

Крестьянский сын «от сохи» (родители — боевые ветераны Великой Отечественной), отслужив срочную в рядах Советской армии, он обладал богатым жизненным опытом, многое мог и делал своими руками. Опыт этот помог в реализации организационных дел alma mater — здесь и руководство отрядами ССО (читаем прекрасные воспоминания о стройотрядовских делах на groupmixt.narod.ru), дежурства народной дружины в саду Баумана, Издательский центр МИХМа, прекрасная кафедра АКМиА

(экскурсии по великолепно оснащенным лабораториям можно было бы водить и сегодня).

Мне посчастливилось участвовать с Александром Семеновичем на конференциях, учиться на редакторских курсах в Санкт-Петербурге, Архангельске, Царском Селе, где вне обычной среды деятельности узнаешь человека лучше и рельефнее. Он всегда был в центре внимания как в официальной программе, так и на досуге. Его эрудиция поражала — знал великолепно историю страны, чему свидетельство попытка аналитической оценки руководителей (властителей) Российской империи и СССР. Книга А.С. Тимонина «Основные мотивы политических братоубийств и предательств» (1999 г.) читается сегодня с тем же интересом, как и в прошлом веке. В предисловии А.С. пишет: «Не являясь узким специалистом в области исторических и социальных наук, собственную точку зрения на сами деяния и их последствия автор основывал на трудах выдающихся отечественных историков Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.С. Ключевского, И.И. Костомарова и др., а также были использованы материалы популярного очерка «Русская история» А.И. Заичкина, И.Н. Почкаева, учебного пособия «История России» и другие исторические источники». Что к этому можно добавить!

Он прекрасно организовал нашу работу над монографией

*Встреча в РХТУ: А.В. Беляков,
У.Ш. Шаяхметов (Университет науки
и технологий, Уфа), А.С. Тимонин,
А.П. Жуков*

«За кадры химического машиностроения». Первоначальная задумка была на уровне статьи об истории механического отделения МПУ — отделения и факультета МПХТИ-МХТИ для «Исторического вестника», но творческий пыл А.С. вынес поиск на уровень СССР.

Вспоминаю его уютную, ухоженную дачу по Киевской дороге: любимый котяра, полторафунтовая антоновка как память об Иване Мичурине. Наши неспешные разговоры «обо всем».

Прощай, труженик земли русской — Александр Семенович Тимонин, наш друг и коллега.

**М.Г. Беренгартен,
профессор МПУ**

В начале ноября 2025 года после длительной болезни на 78-м году жизни умер профессор Московского института химического машиностроения Александр Семёнович Тимонин — друг и коллега многих преподавателей Менделеевского университета.

Если попытаться коротко охарактеризовать Александра Семёновича, то можно, наверное, выделить такие его качества: он был человек высокоорганизованный и сам выступал всегда в роли прекрасного организатора; он был талантливым педагогом; он был способным ученым; он был энциклопедистом, умевшим обобщать многие сведения из той отрасли, которой он занимался — химического машино- и аппаратостроения.

Александр Семёнович запомнится на многие годы прежде всего благодаря двум фундаментальным трёхтомным справочникам — «Основы конструирования и расчета химико-технологического и природоохранного оборудования» (общий объём 350 п.л., три издания 2002, 2005 и 2015 года) и «Инженерно-экологический справочник (общий

объём 250 п.л., два издания 2003 и 2015 года). Студентам многих поколений будет памятен и полезен вышедший под его редакцией в 2014 году фундаментальный учебник «Машины и аппараты химических производств» объёмом 63 п.л. и многие другие учебники и монографии.

Огромную организационную и научно-методическую работу выполнил Александр Семёнович при подготовке к изданию одного из 40 томов энциклопедии «Машиностроение», посвященного машинам и аппаратам химических и нефтехимических производств, в котором опубликованы статьи ведущих профессоров МИХМа.

Не прошла незамеченной и написанная им вместе с профессором РХТУ Жуковым А.П. книга «За кадры химического машиностроения», посвященная истории создания и преобразования МИХМа-МГУИЭ со времени его зарождения в виде механического отделения МХТИ им. Д.И. Менделеева и до современного состояния в виде небольшой части Московского политехнического университета.

Александр Семёнович — пример специалиста, учёного, организатора, создавшего себя сам (self-created) при помощи своих учителей и наставников.

Он родился в селе Борки Вознесенского района Нижегородской области в семье каменщика колхоза «Бутаковский» и учительницы начальной школы. Окончив в 1966 году среднюю школу, поработал трактористом, отслужил два года в Советской армии и в 1969 году после демобилизации поступил в Московский институт химического машиностроения, с которым была связана вся его будущая судьба. Здесь он выполнил и защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором, заведующим кафедрой, общественным деятелем.

Многие годы (начиная с 2004 года) А.С. Тимонин возглавлял секцию «Машины и аппараты хи-

мических производств» учебно-методического объединения по образованию в области химии и биотехнологии. В это время регулярно проходили методические совещания и семинары по химическому машиностроению и реально существовало единое образовательное пространство вузов России в этой важной части подготовки квалифицированных кадров инженеров-механиков, конструкторов и проектировщиков для химической промышленности, чего так не хватает в современной высшей школе 2025 года, когда в каждом российском вузе свои учебные планы по этому направлению, свои программы основных дисциплин и практически отсутствует реальное методическое единство в области столь важного для экономики нашей страны химического инжиниринга.

Творческая деятельность А.С. Тимонина была заслуженно оценена присуждением ему в 2020 году в составе руководимого им авторского коллектива Премии Правительства РФ в области образования за создание высококачественных учебных изданий для системы образования Российской Федерации "Комплект учебников, учебных пособий и справочной литературы для подготовки специалистов в учреждениях высшего образования по направлению "Техносферная безопасность".

Александр Семёнович был главной замечательной семьей, вырастил двух дочерей, внуков. С ним было интересно общаться и на профессиональные, и на обычные житейские темы. Он всегда имел свою собственную позицию во всех вопросах и не отступал от неё никогда.

Память о нём сохранится в наших сердцах, а изданные им многочисленные труды (не только по профессиональным проблемам) позволят её сохранить и в умах многих поколений будущих студентов, инженеров, учёных.

В.А. Любартович, профессор, историограф МИХМа

Александр Тимонин — это полностью состоявшаяся неординарная личность, человек творческий, активный, инициативный. Искренний в наставничестве студентов и аспирантов, лояльный к коллегам, но непримиримый к фальши в отношениях, деликатный и отзывчивый, он был воплощением твердого следования призванию михмовского профессора, научного работника и инженера-изобретателя, общественно-политического деятеля. Авторитет Александра Семеновича был весьма заметен в учёной и педагогической среде МИХМа — МГУИЭ и других вузов, подтвержден престижными знаками внимания властных структур, доверием избрания его в партийные и комсомольские органы. Его участие в продвижении молодежной политики, в делах полезных и нужных для страны, для отечественной высшей школы, было неформальным и продуктивным.

Александр Семёновичу прочили успешную административную карьеру. Ещё до защиты докторской диссертации ему было сделано лестное предложение возглавить один из родственных технических вузов. Но А.С. Тимонин категорически отказался, ссылаясь на желание строить свою профессиональную жизнь только в МИХМе. И это ему вполне удалось: профессор Тимонин руководил ведущей кафедрой инженерной подготовки АКМиА со штатом сотрудников более 50 чел. и одновременно был координатором подготовки специалистов химического машиностроения в масштабе страны в рамках деятельности министерского Учебно-методического объединения.

Всей своей достойной жизнью Александр Семенович заслужил искреннюю благодарность и от нас, его современников, и будущих поколений людей инженерного труда.

БАРОНЕССА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР — ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР РХТУ ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

13 октября 2025 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Маргарет Тэтчер (премьер-министра Великобритании в 1979-1990 годах). При подготовке новостного сюжета на эту тему телеканал «Мир» обратился в департамент коммуникаций нашего университета с просьбой рассказать об обстоятельствах присуждения ей звания Почетный доктор РХТУ им. Д.И. Менделеева в 1993 г.

Со съемочной группой встретился профессор Александр Малков (проректор по международным связям в XX веке), поделившись воспоминаниями и ответив на вопросы корреспондента.

Центр истории РХТУ предоставил для съемки фотоальбомы и документы из Музея истории университета, в частности, письмо М. Тэтчер на официальном бланке, адресованное ректору РХТУ П.Д. Саркисову с благодарностью за радужный прием.

MARGARET, THE LADY THATCHER, O.M., P.C., F.R.S.
HOUSE OF LORDS
LONDON SW1A 0PW

26th July 1993

My dear Rector,

You and the Mendeleyev Institute gave us a wonderful day last Thursday, one which we shall never forget. You had thought of everything, the beautiful gown specially designed for the occasion, the orchestra, the wonderful singing of the choir, the ceremony itself in which so many able and interesting people took part, and the reception afterwards when the Mayor of Moscow also joined us.

I wish we had had longer to talk about the work of the Institute - but as I am now a Trustee - there will be other occasions when I can visit you all and hear more about your excellent work. I was very impressed with everything I saw.

My grateful thanks for your generous hospitality.

With warm regards,

Yours sincerely

Margaret Thatcher

Dr Pavel Sarkisov
Rector, Mendeleyev Institute of Science and Technology

М. Тэтчер — первая женщина, занявшая пост премьер-министра Великобритании, а также первая женщина, ставшая премьер-министром европейского государства.

В 1943 г. в Оксфордском университете, М. Робертс (Тэтчер) работала в лаборатории Дороти Ходжкин (английский химик и биохимик, Лауреат Нобелевской премии по химии 1964 г.), где занималась рентгеноструктурным анализом антибиотика грамицидин С.

22 июля 1993 г. главный вход Менделеевского университета.
Ректор П.Д. Саркисов встречает Маргарет Тэтчер

Мой дорогой ректор!

Вы и Менделеевский институт 22 июля подарили нам замечательный день, который мы никогда не забудем. Вами было предусмотрено всё — красивая мантия, специально предназначенная для этого случая, оркестр, прекрасное пение хора, сама церемония, в которой принимало участие так много способных и ярких людей, приём, организованный позднее, когда мэр Москвы присоединился к нам.

Я хотела бы побеседовать о деятельности института. Поскольку я теперь попечитель, надеюсь, что в другой раз, когда я снова смогу Вас посетить, я больше узнаю о Вашей превосходной работе. На меня произвело впечатление всё, что я видела.

Примите мою огромную благодарность за Ваше великодушное гостеприимство.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваша
Маргарет Тэтчер

**Центр истории
РХТУ им. Д.И. Менделеева**